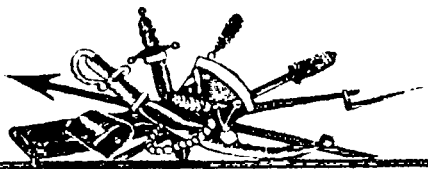
П 52.
Р180650

И. И. ПОЛОСИН



РАЗГРОМ ФРИДРИХА II РУССКОЙ АРМИЕЙ

УЧПЕДГИЗ
1943

ИЗДАНИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ
1941-1945

И. И. ПОЛОСИН

РАЗГРОМ ФРИДРИХА II РУССКОЙ АРМИЕЙ

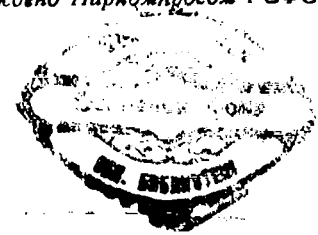
Россия в Семилетней войне

(1756—1763)

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Утверждено Наркомпросом РСФСР

180650



ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР
МОСКВА 1943

355.48
П 52

ВВЕДЕНИЕ.

Едва русский народ сбросил тяжкий вековой гнёт татаро-монгольских ханов (1480), как начал новую борьбу на западных рубежах молодого Русского государства. В 1500 г. в боях на Митьковом поле, возле Дорогобужа, в боях под Мстиславлем, а позже под Смоленском началось генеральное наступление русских войск в борьбе за исконные русские, белорусские, украинские земли. Западноевропейские дипломаты с изумлением наблюдали бурный рост военных сил России и её успехов — военных, дипломатических, культурных. О России, как новой и неожиданно быстро выросшей силе европейского масштаба, заговорили все. В Россию потянулись посольства из Италии, из Германии, из Индии. Русские меха стали известны на рынках Испании и Китая.

Молодое, бурно растущее Русское государство вызвало на Западе не только изумление, но и испуг. Враждебные России страны пытались изолировать её, оставить её для себя как богатую колонию, отрезать Россию от прямых непосредственных связей с культурой и техникой Западной Европы, отрезать её от моря. Тонкий политик и хитрый стратег, великий князь московский Иван III в ответ на происки враждебных России дипломатов властно заявил о бесспорных правах России на Балтику: в 1492 г. у немецкой крепости Нарвы, на правом берегу р. Наровы, Иван III отстроил новую приморскую крепость и порт Ивангород. Могучая русская крепость XV в. стала первым окном в Европу. Кто как не Пётр I должен был оценить по достоинству этот полный сознания мощи русского народа вполне верный шаг Ивана III?! Именно Пётр I, вспоминая великого князя Ивана III, любил повторять: «великий не токмо словом, но и делом».

В тот год (1561), когда внук Ивана III московский царь Иван IV добивал Ливонский орден — осиное гнездо прибалтийских разбойников, германский император Фердинанд I специальным указом приказал: не пропускать в Россию ни техников-специалистов, оружейников, литейщиков, военных инженеров, рудознатцев и т. д., ни сырья, необходимого для усиления военной мощи России, ни учёных людей — «докторов», которые могли бы перенести в Россию элементы западноевропейской культуры. Западноевропейские дипломаты пытались задержать, замедлить темпы военно-политического и культурного роста России. Враги подступали тогда к стенам древнерусского города Пскова (1581). Немецкие ландскнехты грабили окрестности города

и — голодные и жадные — зарились на скирды хлеба в районе Порхова и Новгорода. Но блестящая героическая оборона Пскова, непоколебимая отвага псковичей на вылазках разложили вражескую армию. Подоспевшая зима и морозы довершили дело. Враг вынужден был покинуть Россию, не получив ни одной пяди русской земли.

Царь Борис и царь Алексей верно понимали значение Балтики для Русского государства, а потому продолжали настойчивую борьбу за море, за морское побережье, за разрыв блокады, которой окружили Россию её враги. Но только Петру I в итоге величайшего напряжения всех сил русского народа удалось блестяще разрешить основную военно-политическую задачу России и утвердить русские военные базы на Балтийском побережье. Пётр I отчётливо видел и сознательно ставил перед собой эту задачу. В письме к царевичу Алексею (1715), позже изменившему отцу и стремившемуся вернуть Россию к допетровским порядкам, Пётр I напоминал сыну всё коварство враждебных России сил.

Пётр I напоминал сыну, как западноевропейские дипломаты «ограбили Россию толь нужными ей пристанями» на Балтике, как пытались они отрезать Россию от Запада, закрыть для России окно в Европу. Пётр I с негодованием и кипучей страстью вспоминал, как европейцы «к нашему нелюбозрению добрый задёрнули завес и со всем светом коммуникацию пресекли».

Разорвать этот «добрый», т. е. непроницаемый, занавес, разорвать тяжкие для России оковы блокады, восстановить нормальные связи, нормальную «коммуникацию» со всем светом и тем обеспечить нормальный рост Русского государства, включить Россию в систему европейских государств — такова цель более чем двадцатилетней Северной войны Петра I за Прибалтику (1700—1721).

Военно-политическая цель была верно поставлена. Для разрешения её по-новому была организована русская армия, стяжавшая себе бессмертную славу под Полтавой (1709), заново создан европейского типа подвижной, способный к сложному и гибкому маневрированию русский военно-морской флот, вызвавший изумление специалистов-моряков всего мира своими действиями при Гангуте (1714).

Война увенчалась блестящими военно-политическими успехами. Двести двадцать лет назад Россия прочно стала на берегу Балтийского моря. Своих умело занятых позиций на Балтике она никому и никогда не отдаст.

В системе западноевропейских государств Россия заняла тогда видное место. Влияние России на европейские дела быстро и уверенно возрастало.

Ослабление Швеции в итоге Северной войны значительно усиливало маленькое, молодое, задорное Прусское королевство. Пруссия в итоге войны со Швецией (1715—1720) овладела Штеттином, укрепилась в устье Одера и в Верхней Померании.

ГЛАВА I.

ПРУССКАЯ АГРЕССИЯ И ПОДГОТОВКА СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ.

Ещё в те годы, когда над Москвой тяготело татарское иго, маленький хозяйственный немецкий князёк, маркграф Бранденбургский Фридрих Железные Зубы, возводил крепости на маленьких островках на р. Шпрее (1452). С тех пор прошло уже много лет, на реке Шпрее выросли грозные зубцы берлинских укреплений, а владелец Бранденбурга занял видное место среди других князей «Священной Римской империи германской нации», того объединения немецких государей, той первой Германской империи, о которой так горделиво вспоминает Гитлер и К°, но которая в первой половине XVIII в. представляла собой довольно беспомощный союз 360 мелких полугосударств феодального типа. Во главе империи стоял император из дома Габсбургов. В Регенсбурге по старинке собирался имперский сейм. Но ни общеимперской казны, ни общеимперской армии не было. Наиболее сильным ядром в империи была Австрия с центром в Вене, включившая в состав своих земель Венгрию, польскую Силезию, Чехию, земли в Нидерландах, мечтавшая о новых захватах в Италии, Польше и Украине.

Но уже тогда — в начале XVIII в. — берлинский Гогенцоллерн, объявив себя королём Пруссии (1701), начинал свой вековой спор с Веной и австрийскими Габсбургами — спор, закончившийся только в 1938 г. «аншлюссом», т. е. присоединением Австрии к Германии.

Уже тогда — двести лет назад — в 1740 г. впервые был поставлен на очередь вопрос о переделе Центральной Европы. Уже тогда король Пруссии Фридрих II (1740—1786), по отзывам современников, «весьма хитрый король, во всех своих делах весьма скорый и расторопный» (Болотов), король «захватчивый, беспокойный и возмутительный» (А. П. Бестужев-Рюмин), король «скоропостижный», прозванный так современниками за его страсть к внезапным, «скоропостижным» налётам на чужие территории, уже тогда Фридрих II намечал очередные жертвы прусской агрессии. То были: Силезия, Саксония, Богемия, Померания, Шлезвиг, Ганновер и т. д.

31 мая 1740 г. Фридрих II занял королевский престол. Вскоре, в декабре 1740 г., внезапно и вероломно он обрушился на соседнюю Силезию. Продолжались ещё дипломатические переговоры

с Австрией по поводу Силезии, прусские дипломаты торговались ещё с австрийскими дипломатами по вопросу о цене, которую прусский король готов был дать за Силезию (2 миллиона талеров и военную помощь Австрии против её врагов). Ничто, казалось, не предвещало близкого и воинственного конца переговоров. Но таков был «скоропостижный» король! Такова была его страсть к наступлению во что бы то ни стало, его желание и — надо сказать — умение начинать наступление по своей инициативе, его стремление к молниеносным действиям, его настойчивые попытки выиграть время, опередить врага во что бы то ни стало: «сперва взять, а потом вести переговоры».

Большое самомнение короля в обычной жизни, резкость его повседневных суждений, не терпевших никогда никаких возражений, согласовались с военной тактикой и стратегией агрессора.

Лишённый всяких моральных устоев, алчный и жестокий, Фридрих не смущался последствиями своего выступления. «Что касается страшного названия зачинщика войны, то это пустое страшило, пугающее только робкие умы... Задерживаться пустыми формальностями в таком важном случае было бы в политике непростительной ошибкой». Недаром эти разбойничьи приёмы в политике так нравятся современным немецким фашистам, возвеличивающим Фридриха II.

Оккупируя Силезию, Фридрих II считал, что Австрия не в силах удержать Силезию за собой. В Австрии шли споры по вопросу о том, кому за смертью последнего мужчины из императорского дома Габсбургов достанется «австрийское наследство». Захватывая Силезию, Фридрих II полагал, что некоторые европейские державы предпочтут систему уступок прусской агрессии или в худшем случае нейтралитета в Силезском вопросе: австрийская гегемония в Европе не могла быть приятной ни Франции, ни Англии, ни Испании. Швеция, Польша, Турция утрачивали былую силу в международных делах и не могли оказывать прежнего влияния. Фридрих II верно оценивал хозяйственно-политическое значение старой польской провинции, в своё время захваченной Австрией: Силезия славилась своими шерстяными и шёлковыми мануфактурами и разведением скота, дававшего шерсть. В военном отношении захват Силезии позволял Пруссии окружить и изолировать австрийскую армию.

До поры до времени неясной оставалась позиция России в Силезском вопросе. Россия — победительница Швеции в Северной войне (1721), заменившая собой Швецию в системе западноевропейских государств XVIII в., — всё ещё стояла лицом к лицу со своим недавним противником: Швеция не оставляла мысли о реванше. Русско-шведская война висела в воздухе. Фридрих II сделал всё для того, чтобы отвлечь внимание и Швеции, и России от Силезского вопроса.

Системой провокаций и подкупов, несмотря на наследственную скупость, не жалея золота, Фридрих II втягивал и втянул Швецию в войну с Россией (1741—1743). На некоторое время

Фридрих II обеспечил себе таким образом Балтийский (северный) участок фронта. Закончив войну с Австрией к 1742 г., Пруссия по договору в Бреславле закрепила за собой Силезию. Теми же приёмами Фридрих II пытался обеспечить себе и южный участок фронта. Фридрих II использовал все средства для того, чтобы втянуть Турцию в войну с Россией. Он мечтал ликвидировать неизмеримо выросшее влияние России в международных делах. И лёгкость, с которой в России совершались дворцовые перевороты, дала Фридриху II мысль овладеть Россией изнутри. Подкуп, а при надобности, как говорил Фридрих, «революция» (т. е. новый дворцовый переворот) представлялись Фридриху II средствами, вполне достаточными для того, чтобы подчинить Россию Пруссии, или, как говорил он сам, для того, чтобы: «я один мог устанавливать там (т. е. в России) погоду» (1743).

Однако императрица Елизавета, дочь Петра I, сидела прочно на троне, и Фридриху II не удалось ни подкупить, ни склонить на свою сторону русских дипломатов.

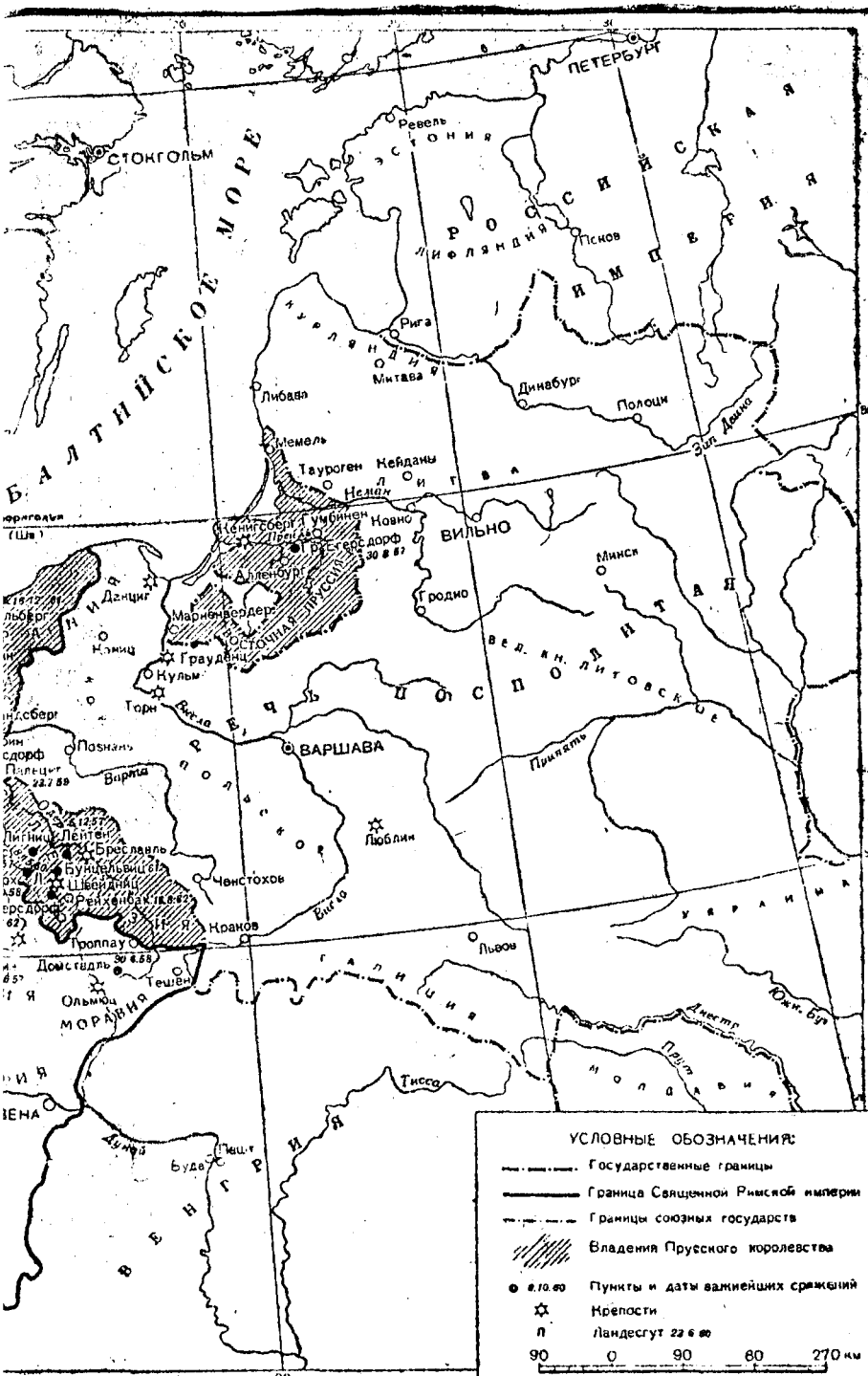
Русский канцлер Бестужев-Рюмин, англофил, предпочитал ориентироваться на соглашение России с Австрией и Саксонией, но не Пруссией. Соперник Бестужева-Рюмина при дворе и в императорском совете (в конференции) франкофил П. И. Шувалов был также противником пруссаков. При новом императорском дворе Елизаветы пруссаки не пользовались успехом. И Алексей Петрович Бестужев-Рюмин неоднократно повторял, что Пруссия «по близости соседства и великой угрожаемой силе представляет первую и главную опасность России» (1744).

Фридрих II всё это прекрасно знал, но продолжал борьбу. Среди русских дипломатов, военных, придворных, в центре России и на периферии шныряли королевские агенты. А надо заметить, что агентура Фридриха II для своего времени была образцовой и даже единственной в своём роде: планы дворцовых переворотов, диверсионные акты в тылу неприятельских армий, в занятых городах, поджоги, возмущения, бунты в глубоком тылу противника — всё было использовано «захватчивым» и «весьма хитрым» королём.

Под видом вояжёра из Риги один прусский капитан проник в дом к русским генералам Апраксину и Веймарну. Сам Фридрих II сватал за великого князя Петра Федоровича дочь прусского генерал-майора и командира 8-го пехотного полка князя Ангальт-Цербстского — Софию-Августу-Фредерику (будущую русскую императрицу Екатерину II). В лице Екатерины Фридрих II рассчитывал найти особо преданного интересам Пруссии агента. Вот почему король так торопился с браком и приказывал «хлопотать об этом в величайшем секрете» (1743).

Действительно, все пруссофилы, все сторонники Пруссии и её короля группировались вокруг двора великого князя. Великий князь — полурусский, полунемец — был также членом императорского совета (конференции), а потому именно от него Фридрих II мог получать и получал наиболее точную и достоверную информацию о политических планах и военных

Колонии в середине 18-го века
Британские
Французские
Испанские
Нидерландские
Португальские
Датские
ХРИСТИАНИЯ
НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
ДАНИЯ
КОПЕНГАГЕН
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
ЛОНДОН
АМСТЕРДАМ
НИДЕРЛАНДЫ
АВСТ НИДЕРЛ
ГОЛШТИНИЯ
ГАМБУРГ
Любек
МЕКЛЕНБУРГ-ШВЕРИН
Штральзунд
о Рюген (Шв)
Грейфсвальд
ГАННОВЕР (Брит)
Бремен
Клостерцевен
Минден 12 8 59
Гастенбек
Магдебург
БРАНДЕНБУРГ
БЕРЛИН
Франкфурт
Шведт
ВЕСТФАЛИЯ
Крефельд
Кельн
Рейн
СВ. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
САКСОНИЯ
Торгау 3.11 60
Россбах 5.11 57
ДРЕЗДЕН
Эйзенах
Гота
Эрфурт
Фрейберг
Максен 21.11 59
Пирна
Бауцен
ГЕССЕН
Франкфурт
Майн
Вюрцбург
Прага
БОГЕМИЯ
ПАРИЖ
Сена
ФРАНЦИЯ
Луара
Мец
Страсбург
ВЮРТЕМБЕРГ
Штутгарт
БАВАРИЯ
МЮНХЕН
ШВЕЙЦАРИЯ
ПЬЕМОНТ
ВЕНЕЦИЯ



ПЕТЕРБУРГ
СТОКГОЛЬМ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Ревель
ЭСТОНИЯ
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ЛИФЛЯНДИЯ
Псков
КУРЛЯНДИЯ
Рига
Митава
Либава
Динабург
Полоцк
Зап. Двина
Мемель
Таурогеи
Кейданы
ЛИТВА
Неман
Кенигсберг
Гумбинен
Ковно
ВИЛЬНО
Прейсль
Гр. Егерсдорф
30 8 57
Алленбург
Минск
Данциг
Гродно
Марненвердер
ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ
Граудениц
Кульм
Торн
Вислa
РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
ВЕЛ. КН. ЛИТОВСКОЕ
Познань
ВАРШАВА
Варта
Припять
Лейтен
Бреславль
Бунцельвиц
Швейдниц
Рейхенбах
Люблин
Ченстохов
Краков
Гроппау
Домстадль
Тешен
Ольмюц
МОРАВИЯ
ГАЛИЦИЯ
Львов
УКРАИНА
Днестр
Прут
Тисса
МОЛДАВИЯ
Южн. Буг
Дунай
Буда
Пешт
ВЕНГРИЯ
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
Государственные границы
Граница Священной Римской империи
Границы союзных государств
Владения Прусского королевства
8.10.60 Пункты и даты важнейших сражений
Крепости
Ландесгут 22 6 60
90 0 90 180 270 км

мероприятиях России. Позже, в годы войны с Пруссией, когда у Елизаветы явилось подозрение относительно измены великого князя, она приказала не выдавать ему протоколов конференции, а затем даже исключила его из списка членов конференции.

Современники хорошо знали, что великие несогласия идут «между важнейшими госпожами» (имп. Елизаветой и вел. княгиней Екатериной). Знали об этом и прусские дипломаты и настойчиво пытались использовать их в своих интересах. Своими сетями они оплетали всякого неосторожного, бесхарактерного, незаботливого в средствах царского придворного, военного или дипломата. И при дворе, и в армии находились изменники, становившиеся тайными агентами короля прусского.

Но по мере того как Фридрих II понимал, что очень трудно добиться от России признания прусских прав на Силезию, Богемию, Саксонию и Прибалтику, у прусского короля созревал другой план действий: король решил использовать испытанный ещё в XV в. метод международной изоляции России, что, по его мнению, вызвало бы ликвидацию русского влияния не только в Центральной Европе, но и в Прибалтике.

Самое лучшее, писал Фридрих II в 1746 г., оставить «медведя» (т. е. Россию) в его берлоге и не давать ему даже заметить, что в нём нуждаются или его боятся. Это и означало, что Фридрих II пытался возвратить Россию к допетровским временам и вернуть её назад к XVII в. Это означало, что русский экспорт должен перейти с Балтийского моря на Белое. Это означало, что русский лён и холст для парусов, пенька для канатов, русский чугун и хлеб не должны проникать на европейские рынки.

Политика изоляции России сделала своё дело: на мирной австро-прусской конференции 1748 г. Россия не имела своих представителей, хотя русский корпус был двинут на помощь Австрии. Но и Австрия, подобно Пруссии, боялась русского «медведя» и его вмешательства в европейские дела. Прусская агрессия развязывала войну в Европе: в 1750 г. дипломатические отношения России и Пруссии были прерваны, прусскому послу было предложено покинуть Санкт-Петербург, русский посол уехал из Берлина.

Начиналась лихорадочная подготовка к мобилизации и войне. Но до войны было, однако, далеко. Не закончена была ни дипломатическая, ни военно-техническая её подготовка.

Дело в том, что спор Австрии и Пруссии за гегемонию в Центральной Европе и прусская агрессия в Европе 40—50-х годов XVIII в. неразрывными нитями связывались с борьбой Франции и Англии в Европе, в Азии, в Америке за мировое господство и за первый передел мира. И Англия, и Франция — враждебные друг другу — были живейшим образом заинтересованы в том, чтобы сколотить против своего врага достаточно крепкий союз из европейских держав и тем самым развязать себе руки для действий за морем. Континентальные державы, заинтересованные в разрешении близких им вопросов борьбы

в Центральной Европе, охотно шли навстречу этим стремлениям колониальных держав.

Пруссия, мечтавшая об изоляции России и уничтожении русской торговли на Балтике, искала союзника то в лице Франции, то Англии.

Когда же в июле 1755 г. были порваны дипломатические отношения между Англией и Францией, то Франция особенно охотно пошла на сближение с Австрией и Россией, своими бывшими врагами, а Англия столь же естественно с августа того же года развернула переговоры с Пруссией.

Англо-прусское соглашение (так называемая Вестминстерская, точнее Вайтголлская, конвенция) было подписано 16 января 1756 г. Австро-французский договор о взаимопомощи в европейской войне и о нейтралитете Австрии в колониальных войнах был подписан 1 мая 1756 г.

Однако Англия была далека от мысли о безусловной поддержке Пруссии и прусской агрессии в Центральной Европе и Прибалтике. Пруссия была нужна Англии для борьбы против Франции, для борьбы за заморские колонии. Английский министр Вильям Питт рассматривал Германию как поле битвы, на котором «был брошен жребий о судьбах Северной Америки и Ост-Индии».

В общеевропейскую войну втягивались почти все европейские государства. Неожиданно для Фридриха II его собственная сестра, шведская королева, оказалась в стане его врагов. Король польский стал на сторону Австрии.

После сближения Англии с Пруссией русско-австрийский договор, имевший до того лишь оборонительный характер, приобрёл новое значение: новый договор предусматривал не только совместную оборону, но и совместное наступление против общего врага, т. е. Пруссии.

В июле 1756 г. Россия предложила Австрии ввести свои войска в Саксонию для защиты её от прусской агрессии.

Но Австрия, подобно Пруссии, боялась усиления военно-политических успехов России, а потому отказалась от военной помощи и военного вмешательства России в Саксонский вопрос. Так дипломатическая подготовка русско-прусской войны чрезвычайно осложнялась двусмысленным поведением австрийских дипломатов, боявшихся не только Пруссии, но и России.

Тем временем в 1755—1756 гг. во всех странах Европы шла невиданная лихорадочная гонка вооружений и перевооружений армий.

«Во все новейшие времена не бывало ещё никогда столь страшного вооружения», — записал позже в своих мемуарах русский офицер А. Т. Болотов, участник Семилетней войны.

В России в эти последние предвоенные годы была проделана большая работа по организации армии, по её комплектованию, боевому снаряжению, обучению, снабжению, по выработке плана всей кампании со столь опасным врагом, каким был прусский король.

Однако военные реформы в России 1755—1756 гг. не были доведены до конца. Известие о начале войны, о новом вероломстве прусского короля и захвате Саксонии (в сентябре 1756 г.) прервало их на полдороге. Русская армия должна была выступить в поход, не дожидаясь окончания военных реформ.

Армия Фридриха II и русская армия в Семилетней войне.

«Мирный гражданин не должен замечать, что нация сражается». Эта принципиальная позиция Фридриха II хорошо отразила самый дух и характер прусских войн и войск. Могучее орудие победы — организованная работа тыла и повседневная органическая связь фронта и тыла — отсутствовали и в теории, и в практике прусских войн XVIII в. Прусская армия была оторвана от народа, и это было её характерной чертой. Фридрих II располагал по преимуществу наёмной армией, при этом пополнявшейся далеко не всегда в порядке добровольного найма. Навербованных запирали в лагерях и держали там под строжайшей охраной, как военнопленных.

Вербовщики прусского короля были неразборчивы в средствах вербовки: на больших дорогах, в харчевнях, на ярмарках, в сёлах и в городах всюду вылавливали они рослых, дюжих парней, которых особенно высоко ценил Фридрих II. Неудивительно, что при такой системе «вербовки» прусским гренадером оказался на некоторое время наш русский великий учёный, поэт и художник Михаил Васильевич Ломоносов, неосмотрительно поддержавший однажды дружеский разговор с вербовщиками прусского короля и приглянувшийся им своим богатырским сложением (1741).

Путём насильственной вербовки военнопленных зачисляли в солдаты, но это лишь увеличивало число дезертиров в прусской армии.

Дезертиров ловили. По приказу короля резали им носы, чтобы не вынюхивали они, где им будет лучше; резали уши, чтобы не слушали они подговоров к побегу.

Жесточайшая дисциплина и нечеловеческая расправа с виновными в её нарушении должны были превратить буйную грабительскую орду наёмников-ландскнехтов в обученное европейского типа войско. Наём и вербовка обеспечивали быстрые темпы комплектования армии: ужасные уроны в живой силе пополнялись быстро. Прусская армия пополнялась в значительной части профессионалами военного ремесла, и это действительно облегчало создание образцовой военной машины.

Веками воспитывалось умение солдат-наёмников воевать, и наёмная армия Фридриха II представляла собой подготовленное войско, умевшее развернуться и построиться в боевом строю, ударить по живой силе противника. Фридрих II в тактике боя отказался от построения армии в каре, сохранённом при кавалерийской атаке и в походе, — он предпочёл двухлинейный строй; на флангах пехоты располагалась кавалерия также в

2—3 линии. Это была вынужденная тактика: сзади сомкнутых линий наёмников располагались ряды солдат, задачей которых было гнать в бой отстающих или желающих уклониться от сражения.

Кавалерия была гордостью Фридриха II: именно кавалерия неоднократно обеспечивала королю блестящие победы. Хуже обстояло дело с артиллерией и в особенности с тяжёлой артиллерией: неповоротливая, медленно передвигавшаяся артиллерия мешала быстрым маршам.

Сражение велось при двухлинейном строе, в центре — пехота, на флангах — кавалерия. Всю силу удара Фридрих II концентрировал на одном из флангов противника, старался окружить его; после разгрома фланга атаковывал центр; пехота, делавшая до 6 выстрелов в минуту, наступала на противника, двигаясь повзводно или побатальонно, уступами. Эта так называемая «косая атака» считалась «изобретением» Фридриха II, но — надо заметить — она была хорошо известна ещё древним грекам. При таком построении оружейный и артиллерийский огонь развёртывался по очень широкому фронту. Однако в тактике боя решающую роль Фридрих II всегда отводил кавалерийским атакам. Разгромив неприятельский фланг, прусская армия обрушивалась на центр.

При большой подвижности и маневренности прусская армия очень часто выполняла глубокие обходы фланговых частей противника с тыла, появляясь внезапно там и тогда, где и когда её совсем не ждали. Фридрих II придавал большое значение приёмам запугивания противника. «Пруссаки как конницей, так и пехотой нахально атакуют и, не дошед в настоящую дистанцию, стреляют».

Однако горячность, нетерпеливость и самомнение короля часто портили дело. Фридрих II своими неожиданно-нелепыми приказаниями неоднократно приводил свою армию к полному и совершенному разгрому. Так было под Цорндорфом.

Начиная Семилетнюю войну, Фридрих II был полон сознания своего безусловного военного превосходства. Некоторый численный перевес в живой силе над Австрией (145 тысяч пруссаков против 139 тысяч австрийской армии) должен был обеспечить молниеносный разгром Австрии до подхода французов и русских. Превосходство в темпах мобилизации и боевой подготовки войск позволяли Фридриху II мечтать о последующем — также молниеносном — разгроме России. Покончив с восточным фронтом, Фридрих II рассчитывал опрокинуть всю свою боевую силу на Францию и добиться решающих успехов в борьбе за Рейн.

Но в этих расчётах и планах Фридрих II допустил две существенные ошибки.

Самый способ комплектования прусской армии и состав армии Фридриха II сулили королю большие неожиданности на поле битвы. Прусская армия — армия наёмников, профессионалов — действительно могла добиться коротким молниеносным ударом блестящих успехов, но она же могла открыть дорогу внезапным и непоправимым катастрофам. Зловещая фигура наёмника, властно требующего оплаты кровавого ремесла, всегда стояла

перед королём. Иссякала королевская казна — и немедленно исчезало удальство и ухарство королевских наёмников. Чрезвычайные налоги падали тогда всей своей тяжестью на плечи тех самых мирных граждан, которым, как утверждал король, не было дела до войны.

Но налогов нехватало на оплату военных расходов, и на помощь приходили тогда саксонские контрибуции, английские субсидии. Что же было делать, когда война поглощала и эти ресурсы? Оставалось разрушать всю финансовую систему страны.

Была и ещё одна отрицательная черта в организации войск Фридриха II. Прусской армии наёмников нечего было защищать, не за что было биться: у них не было и никогда не могло быть идеи справедливой, великой священной войны за родину. Люди без роду, без племени, разбойники и головорезы с большой дороги подлинно глубокому чувству патриотизма противника могли противопоставить лишь мастерство и ловкость профессионала, чуждого каким бы то ни было творческим и созидательным идеям гражданина, верного сына своей родины.

Трагедия агрессора во все века, у всех народов всегда заключалась в том, что свою армию он мог увлечь в бой только перспективами грабежа и личного обогащения.

Второй непоправимой ошибкой Фридриха II была недооценка ресурсов и живой силы русской армии и России. «Войска их никуда не годны», — презрительно отзывался Фридрих II о русских и русской армии, способной, по его мнению, лишь к кратковременным, хотя и разорительным набегам.

Фридрих II опасался «татарских набегов». «Страшусь, — говорил он, — казаков, татар и калмыков, способных в одну неделю опустошить и сжечь целую страну».

Но ознакомившись с регулярной русской армией на полях Гросс-Егерсдорфа, Цорндорфа и Кунерсдорфа, король от презрения перешёл к испугу, под ударами русской армии готов был даже отказаться от королевского престола.

И много лет спустя (в 1769 г.), когда уже прошёл испуг от военных невзгод Семилетней кампании, Фридрих II вынужден был признаться, что Россия — «это страшная держава, которая через столетие заставит дрожать Европу».

Задачи России в Семилетней войне словами русского канцлера Бестужева определялись очень просто и ясно: «привести Пруссию не в столь вредительное состояние нашим существительным интересам» (1755), иначе говоря, — ликвидировать самую возможность прусской агрессии в Прибалтике.

Вооружения и «великое проворство» короля прусского вынуждали Россию усиливать армию и оборону: «ибо елико государство в лучшем и наисильнейшем к обороне состоянии находится, так удобнейше верноподданные внутри государства глубочайшим покоем и тишиною пользоваться могут».

К началу Семилетней войны русская армия насчитывала до 330 тысяч человек, но в полевой действующей армии могло быть не более половины, т. е. около 165 тысяч.

Русская армия с большим трудом освобождалась от тяжкого груза иноземных учителей и командиров.

Русские офицеры-дворяне часто оказывались неподготовленными, лишёнными военных знаний. Немалое количество командиров занимало свои посты не по способности и образованию, а по знатности и связям. И всё же за 30 лет, протекших со времени смерти Петра, молодая русская армия сумела вырастить свои, русские, национальные кадры командиров. Конечно, тогда эти командиры могли быть взяты только из рядов дворянства. Все дворяне должны были лично нести военную службу — пожизненную при Петре I, а позже — 25-летнюю, и чем дальше, тем всё более и более именно русские дворяне занимали в армии командные должности. Из 7 генерал-аншефов только двое носили иностранные фамилии (фон Ливен и фон Фермор). Остальные пять были русские: Бутурлин, лейб-гвардии подполковник, командующий Московским военным округом; граф Александр Шувалов, лейб-кампании поручик, командующий Петербургским военным округом; его брат граф Пётр Шувалов, лейб-кампании подпоручик, командующий Прибалтийским военным округом; граф Салтыков, командующий Украинским военным округом, и Апраксин, член Военной коллегии. Из 10 генерал-лейтенантов, 20 генерал-майоров и 20 бригадиров, бывших тогда в армии, к началу Семилетней войны подавляющее большинство уже составляли русские. В списке генерал-майоров числились граф Захар Чернышёв, Пётр Румянцев, Пётр Панин, Яков Фролов, Бугреев и другие отважные участники Семилетней войны.

Однако в армии оставалось ещё достаточное количество немцев-командиров. И если начальник штаба главнокомандующего, генерал Веймарн, не проявил на войне необходимой подвижности и сметки потому, что не умел сочетать хорошую теорию со сложными и неожиданными вопросами практики; если генерал фон Фермор, честный, но не в меру осторожный, в качестве главнокомандующего не проявлял необходимой решительности и самостоятельности по особым качествам своего характера, то генерал русской армии Тотлебен был активным и зловредным агентом прусского короля, чему имеются бесспорные документальные доказательства. И сколько было таких, как Тотлебен, именно среди командиров-немцев, которые не могли быть довольны тем, что молодые русские кадры вытесняют их из русской армии, или не могли забыть своего немецкого происхождения и немецких симпатий.

Рядовые набирались в армию из русских крестьян 10 русских губерний путём рекрутских наборов. Ремесленники, мастеровые и купцы откупались от военной службы, а духовенство освобождалось от неё. Рекрутские наборы объявлялись по мере надобности, число потребных рекрутов определялось Военной коллегией и распределялось по губерниям и провинциям, сёлам и деревням. Губернаторы и специальные офицеры, помещики и их управляющие и старосты следили за сдачей и сбором рекрутов. Служба рекрута в армии была бессрочной, почему рекруты

называли армейские казармы «вечными квартирами». Только смертью или старостью, непоправимым увечьем или побегом могла закончиться служба рекрута в армии. Волокиту и злоупотребления при рекрутском наборе, все ужасы бессрочной службы русского крестьянина в армии царской крепостнической России трудно даже исчислить. Служба в царской армии была тягчайшим налогом на самую жизнь и кровь русского крестьянства.

Каждый новый рекрутский набор пополнял армию годными к службе, но необученными кадрами, людьми, только что оторванными от сохи или от домны. Обучение новых кадров требовало много времени.

Формы лейб-гвардии гренадерского полка.

Солдат крепостнической России призывали стать на защиту родины. Но родина была тогда для русских крестьян не матерью, а мачехой. Подлинной родины-матери трудящиеся, стонавшие от крепостной неволи, тогда не знали. Но тем величественнее образ народа-богатыря, который в глухую, мрачную, рабскую пору во весь свой богатырский рост поднимался на защиту родной земли, своего края, своей деревни. Забыв на время острую, непримиримую вражду свою к крепостникам, шёл народ на фронт и действительно бился — не за крепостников — нет! он бился смело, отважно, геройски, бился за родину, хотя и была ему родина мачехой. Полный суровой решимости биться с чужеземным захватчиком до последней капли крови, твёрдо уве-

ренный в правоте своего дела и в братской помощи всего народа, солдат стоял непоколебимо под губительным вражеским огнём.

Полный презрения к смерти, воин отважно шёл ей навстречу, если ценою смерти можно было добиться счастья «мира», счастья родины. «На миру и смерть красна!» — говорили народные герои. «Они никогда не бегут и не боятся смерти», — говорил о русских солдатах XVIII в. современник, француз Лопиталь.

Недаром Фридрих II, сперва так презрительно отзывавшийся о русской армии, позже был вынужден признать: русских «легче побивать, нежели принуждать к бегству... и что простреливания человека насквозь ещё недостаточно к совершенному его низложению».

Русская армия была сильна своим национальным единством, здоровым патриотическим чувством, крепкой моралью, идеей беззаветной борьбы за родную страну. К войне 1756 г. в русском крестьянстве успело подрасти новое молодое поколение, почти не знавшее ужасов войн, но питавшееся народными рассказами и преданиями о народных героях почти непрерывных войн 1695—1743 гг.

Царское правительство не смело и подумать о создании многонациональной армии в стране многонациональной, какой была Россия. Царизм боялся вооружить нерусские народности, опасаясь, что первый их вооружённый удар падёт на голову русских феодалов-крепостников.

Однако в составе нерегулярной конницы были сравнительно немногочисленные (до 2000 человек) отряды степняков: казахов и калмыков, имелись также отряды башкир и казанских татар. Большие знатоки лошади, они умело ухаживали за ней, при нужде мастерски лечили её по правилам степной народной «медицины». Вот почему степняки (в особенности калмыки) очень часто выполняли в русской армии роль опытных табунщиков, пастухов, конюхов и ветеринаров. Вооружённые по старинке луками и стрелами, мастера по стрельбе из лука на полном скаку, отважные и ловкие наездники, как бы сросшиеся со своей маленькой, лохматой, быстрой, как вихрь, лошадкой, наблюдательные, обладавшие поразительно острым чутьём направления и умением приспособиться к местности, национальные отряды были незаменимы в разведке, на аванпостах, в охранении, в авангардных стычках, при преследовании врага. Бурная конная их лавина, пронзительные, звонкие, гортанные боевые клики, меткость в стрельбе из лука, особенности азиатского костюма — всё это делало их страшными даже для опытных ландскнехтов образцовой армии европейского типа. Генерал Апраксин требовал усиления калмыцких отрядов в русской армии: «звание оных великое у неприятеля уважение имеет».

Западноевропейские журналисты-лгуны писали о калмыках всякие небылицы, например: «что калмыки едят людей — это вовсе не сказка». Фридрих II, верно оценивая их боевые качества, пытался, но неудачно, нанять калмыков на свою королевскую службу. Позже, в 1813—1815 гг., калмыцкие отряды

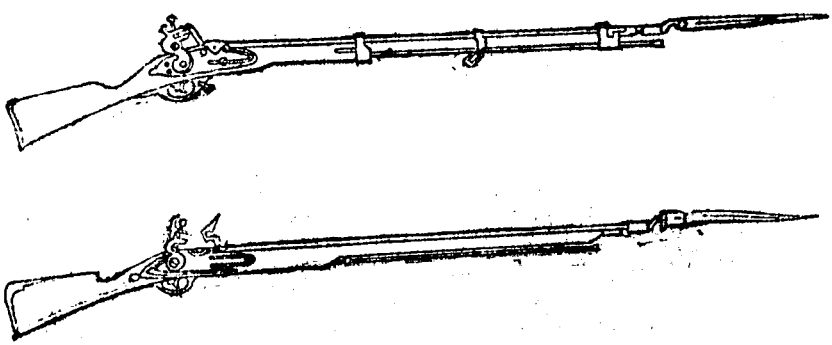
180630

прошли насквозь всю Европу и наводили страх на гвардейские части Наполеона.

Основной силой в русской армии XVIII в. была русская пехота, роль и значение которой недооценивались не только прусским, но и русским командованием.

При правильной расстановке сил, при правильном взаимодействии различных родов оружия как в обороне, так и при наступлении пехота всегда сохранит свое огромное боевое значение как основная живая сила армии, даже и в армии наших дней, при наличии в ней танковых и мото-механизированных частей.

Боевая мощность русской пехоты в XVIII в. значительно повысилась, в частности, и потому, что в русской армии была принята система устойчивых, постоянно действующих полковых единиц. Полк получил, наконец, устойчивый, нетекучий состав.



Ружья времён Семилетней войны.

Полк получил своё полковое знамя. Полк начал вырабатывать свои славные боевые традиции. Каждый полк как бы сам создавал и передавал потомству свою собственную боевую историю. И эта сперва неписанная, передававшаяся из уст в уста полковая история, конечно, воспитывала рекрута-новичка в духе славных полковых традиций.

К началу войны в полевой действующей русской армии насчитывалось свыше 83 тысяч человек пехоты, что составляло до 70% от общего числа людей в армии; остальное составляла конница, артиллерия, инженерные войска.

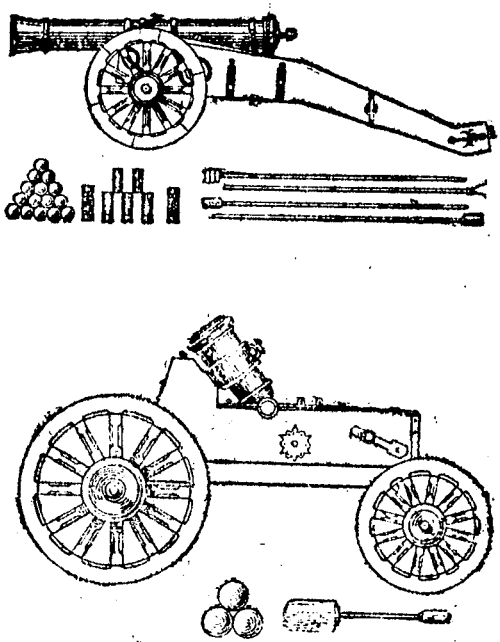
У каждого русского пехотинца было следующее вооружение: ружьё со штыком и 20 пулями «при себе» (по 30 пуль на каждого пехотинца везли в патронных ящиках), шпага, шанцевый инструмент.

Гренадеры были вооружены, кроме того, ещё ручными гранатами. Рогатки, употреблявшиеся раньше как заграждение от кавалерийской атаки, вышли из употребления: в Семилетней войне их заменил ружейный и артиллерийский огонь.

Регулярная конница была слабым местом русской армии: невысоко было качество кавалерийских лошадей, неудовлетворительна система снабжения фуражом.

Для Семилетней войны был сформирован специальный конно-гренадерский полк, вооружённый ручными гранатами и палашами. Палаши, как рубящее оружие, были гораздо более сильным оружием, нежели колющее (шпага).

Забытая в послепетровские времена ружейная стрельба с коня была возобновлена к Семилетней кампании, что значительно усиливало роль кавалерии в бою. Русские казаки вместе с калмыками, казахами, башкирами и татарами умело действовали против прусской армии. Сам Фридрих II дрожал при мысли о возможном набеге отважных конников.



Пушка 24-фунтовая (вверху), мортира 5-пудовая (внизу).

Особенно большое значение русское военное командование придавало артиллерии и артиллерийскому огню, иногда даже в ущерб другим родам оружия (пехоте и кавалерии). Подвижность, маневренность и самостоятельное значение пехоты тем самым снижалось; стремление Петра научить пехотинца «разным оборотам» забывалось, и только Суворов мастерски возродил славные традиции петровской армии, а сокрушительная русская штыковая атака, беспримерная в истории армий других народов и государств, опять заняла в тактике русского боя подобающее ей почётное место.

Но надо отдать должное и русской артиллерии XVIII в. Под руководством генерал-фельдцейхмейстера графа Петра Шувалова русские артиллеристы — и командиры, и наводчики, и «прислуга», и специалисты-изобретатели — много потрудились над созданием орудий нового типа, над повышением дальнобойности и меткости стрельбы, над увеличением подвижности полковой и полевой артиллерии. Были выпущены и успешно действовали на фронте так называемые «шуваловские» гаубицы и мортиры. Усилена полковая артиллерия: на каждый полк приходилось по 4 орудия.

Резко усилена была стрельба разрывными снарядами, повысилась дальнобойность (до 3 *км* при стрельбе из двухпудового «единорога»); подвижность артиллерии удвоилась. На пробной стрельбе из 30 выстрелов «только два не потрафили». Так высоко было качество орудий и боевой подготовки артиллеристов. Оригинальной была и тактика русского артиллерийского боя. И в полевой, и в осадной войне русские артиллеристы подкатывали свои орудия возможно ближе к расположению противника, открывали ураганный огонь. И после того как враг был дезориентирован, отдельные точки на позициях врага полыхали пожаром и враг безуспешно пытался пристреляться к русским орудиям, русские артиллеристы отводили свои орудия на позиции, заранее подготовленные, или, развёртывая траншейные работы, начинали «вкапываться» в землю. Недостатки гужевого транспорта, нехватка ездовых лошадей снижали боевую мощь русской артилллерии и задерживали осадные орудия в глубоком русском тылу. Но стремительность, меткость и сокрушающая сила русского артиллерийского огня оценивались по достоинству и западноевропейскими специалистами. Русские артиллеристы, не ограничиваясь изобретательской работой внутри страны, внимательно следили за успехами военнотеоретической мысли на Западе и после проверки перенимали всё, что могло ещё более усилить русскую артиллерию.

Артиллерист.

Прекрасно развёртывалась работа военноинженерных частей под руководством графа Петра Шувалова. До Семилетней войны инженерные части ограничивались крепостными работами. Технической новостью в Семилетней кампании было то, что инженерные части были выведены в поле и предназначались для разработки плана полевых сапёрных работ. План полевых укреплений был разработан мастерски и значительно опережал западноевропейскую теорию и практику. Русские военные инженеры XVIII в. реализовали старую петровскую идею о создании самостоятельных точек обороны для наступающей пехоты. Это были извилистые, зигзагообразные линии окопов с интервалами между ними, для того чтобы в необходимый момент пехота лег-

ко могла перейти от обороны к нападению. Русские сапёры отказались от стандартного типа окопов, принятых в Западной Европе. Это значительно облегчало использование всех особенностей местности в интересах боевой маскировки. Русские сапёры увеличили интервалы между окопами и тем облегчили пехоте переход к наступательным действиям.

Русская пехота специально обучалась и возведению, и взятию апрошей (узких рвов, идущих зигзагами, служащих для безопасного подступа к укреплённой позиции), а «работные люди», т. е. нестроевые солдаты, обучались тому, как из построенных траншей и из поля огня уходить — «ретироваться».

Для сооружения мостов в русской армии были использованы медные понтоны. Они были очень тяжелы: каждый понтон весил свыше 500 *кг*, а грузоподъёмность их была незначительная (одна пушка). Таких понтонов в армии было 30 штук, что позволяло развернуть мост примерно в 110 *м* длиной. В прусской армии были приняты жестяные понтоны, что создавало для пруссаков значительные преимущества. Русская изобретательская мысль и здесь пыталась отыскать новые пути и средства борьбы. Поиски увенчались успехом. В ходе Семилетней кампании были изобретены новые, сравнительно очень лёгкие понтоны — из парусины. Это оригинальное русское изобретение было использовано позже и в западноевропейской практике.

Готовясь к новой войне с Пруссией, войне наступательной, русское военное командование должно было заново разработать всю систему продовольствия армии и снабжения армии фуражом на чужой территории. Многое было сделано для организации заготовок и продовольствия, и фуража: заново разработана и создана целая система армейских магазинов, значительно усилено централизованное снабжение армии. Но недостаток продовольствия и фуража, медлительные темпы их доставки, недостаток транспорта — всё это чрезвычайно затрудняло боевые операции русских войск. Так как военный совет правильно предвидел, что «загорающееся ныне пламя войны одною кампаниею кончиться не может», то заготовки продовольствия, фуража, тёплой одежды для бойцов (полушубков, шапок, рукавиц), шанцевого инструмента и всех видов вооружения и боевого снаряжения армии были рассчитаны на несколько лет. Металлургические заводы Урала, Сибири, Подмосковья, Оренбургского края и Карелии работали во-всю, как только могли работать эти мануфактуры с крепостным трудом.

На боевых действиях русских войск в Семилетней кампании чрезвычайно неблагоприятно отражались колебания и зигзаги внешней политики и дипломатии русского правительства.

Во-первых: Австрия, формально бывшая союзницей России в войне против Пруссии, фактически боялась России не меньше, чем Пруссии, а потому военные успехи России на фронте никогда не могли развернуться до полного разгрома противника.

Во-вторых: Австрия ни за что не хотела признать самостоятельных целей и задач России в Семилетней кампании, а потому

всегда смотрела на русскую армию как на вспомогательную («помощную») армию, которая, не проявляя никакой самостоятельности, должна лишь подчиняться и слепо выполнять указания австрийского командования. С такой позицией ни один честный русский главнокомандующий армией, ни русский военный совет армии примириться не могли. Усилия австрийцев, объявив русских командиров бездарными, поставить их в зависимость от себя провалились. Военные специалисты из Вены неизменно терпели поражения на заседаниях русского военного совета. Однако в императорском совете (конференции), который ведал общими вопросами военно-политического порядка, венские дипломаты ещё имели некоторый успех. Но и в конференции шла борьба не только с пруссофильскими тенденциями великого князя, но и с австрофилами, каким был, например, Бестужев-Рюмин.

У членов конференции постепенно вырастала и крепла здоровая и верная идея полной самостоятельности русской политики в вопросах борьбы с прусской агрессией, представителем которой был канцлер Бестужев. Но вплоть до самого конца войны эта идея в придворных кругах так и не получила своего чёткого выражения и оформления.

Уже самый состав конференции препятствовал делу. В состав конференции входили: великий князь Пётр Федорович, канцлер Бестужев, его брат Михаил, генерал-прокурор Трубецкой, генерал Апраксин, сенатор Бутурлин, вице-канцлер Воронцов, Пётр Шувалов и его брат Александр. Пётр Федорович держался пруссофильских тенденций, близок к нему был Апраксин. Выражая интересы русской национальной политики, Бестужев в то же время участвовал в подготовлявшемся заговоре Екатерины. Шуваловы, близкие к Елизавете, поддерживали Апраксина. Конференция была наполнена интригами и борьбой и лишена единства.

Положение русской армии в целом, положение военного совета и самого главнокомандующего, положение каждого командира и солдата благодаря этому чрезвычайно осложнялись. Именно от этого особенно тяжко пострадал шуваловский корпус, бесславно разбитый в битве при Цорндорфе. Противоречивые указания из центра и штаба вызывали ненужные, утомительные и прямо вредные для дела борьбы с прусской агрессией «марши»; бесцельные «мотания» солдат из одного края в другой затемняли в сознании солдата основные цели войны, обрекали армию на бездействие или на излишнее кровопролитие.

ГЛАВА II.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ РОССИИ В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ И НАЧАЛО КАМПАНИИ 1757 г.

Русскому солдату никто не разъяснял тогда целей войны. Русский солдат призывался тогда, как и всегда в истории царской России, стать на защиту «престола и отечества». И только!

Русский солдат из обрывков слов и фраз, которые до него

с разных сторон долетали, постепенно начинал понимать, что именно Фридрих II — виновник новому «пролитию толь многой крови человеческой». Русский солдат — неграмотный и неучёный — не читал «Санкт-Петербургских ведомостей» и скорее догадывался, чем узнавал об опасности прусской агрессии для России и о реальных задачах русского народа в Семилетней войне. Но и до сознания русского солдата доходила правильная мысль «Ведомостей», что «пагубная страсть» агрессора к захватам «всеконечно к погибели его приведёт».

Императорская конференция с полным знанием всех военно-политических и дипломатических секретов международной политики примерно так формулировала в различных своих протоколах и записках цели и задачи Российской империи в Семилетней войне:

1) закрепить положение России как самостоятельной и первостепенной европейской державы, ликвидировав последние попытки изолировать Россию и превратить её в колонию какого-то другого государства;

2) «ослабя короля прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и незаботным», иначе говоря, — положить предел прусской агрессии в Прибалтике и в Центральной Европе;

3) пересмотреть восточные границы Пруссии и возвратить Польше исконные польские земли, захваченные Пруссией;

4) белорусские и украинские земли, занятые Польшей, возвратить России;

5) укрепить идею политического равновесия европейских держав, иначе говоря, — поддержать Австрию против Пруссии. Усиление Австрии, так думали русские дипломаты, усилит позиции России и на Чёрном море.

26 августа 1756 г., закончив военно-дипломатическую подготовку войны и, как всегда, желая предупредить противника, Фридрих II отдал приказ о вступлении прусской армии в Саксонию и об оккупации Дрездена — столицы Саксонии. 9 сентября Дрезден был занят пруссаками. 20-тысячная саксонская армия пыталась ещё некоторое время сопротивляться втрое сильнейшему врагу. Но прошло немногим более месяца, и 15 октября саксонская армия сдалась. Фридрих II целиком включил её в состав своей армии и заставил биться против Австрии, границу которой прусский авангард перешёл ещё 13 сентября. Над Австрией нависала тяжкая угроза. По новым договорам с Австрией Россия (2 февраля 1757 г.) и Франция (1 мая 1757 г.) обязывались выставить против Пруссии: Россия — 80 тысяч человек, Франция — 100 тысяч человек. Сверх того, Франция обязывалась выплачивать Австрии «субсидию» по 12 миллионов гульденов ежегодно. Австрия, со своей стороны, выплачивала России субсидии 1 млн. руб., а Франции (точнее зятю французского короля) отдавала часть Нидерландских земель с Остенде и Бельгию с Люксембургом. Тем временем прусские войска двигались в Богемию и приближались к Праге, столице Чехии. 6 мая пруссаки осадили Прагу. Однако уже через 1½ месяца Фридрих II

вынужден был снять осаду и спешно перебросить свои войска на другой фронт. Дело в том, что австрийская армия отрезала его от Силезии, а во исполнение русско-австрийского договора 1757 г. русская армия (83 тысячи человек) под командованием генерал-аншефа Апраксина двинулась в поход.

Русская армия двигалась на Кёнигсберг; отдельный русский корпус под командой Фермора должен был занять Мемель. Русская эскадра блокировала побережье и должна была обеспечить успех десантных операций в Либаве.

1 августа русский авангард перешёл границы Восточной Пруссии.

Главные силы русских двигались тремя колоннами, и прусский генерал Левальдт упорно и настойчиво искал случая встречи с ними до их соединения. На путях русских к Кенигсбергу, на правом берегу р. Прегель, Левальдт закрепил за собой очень сильные позиции.

Апраксин решил тогда изменить ранее намеченный путь и приказал двигаться на Кёнигсберг через Алленбург, т. е. в обход прусских позиций на Прегеле. Для этого 24 августа с правого берега Прегеля на левый русские сапёры перебросили три понтонных и два деревянных моста. Возле них на берегу быстро соорудили баррикады для прикрытия постройки мостов от неприятеля. Баррикады были сделаны из обозных повозок так, что передние колёса одной повозки смыкались с задними колёсами другой. Кавалерийская атака против сапёров со стороны врага при таком «сплетении из повозок» была невозможна, а «по нужде» из такого походного «вагенбурга» можно было отбиваться даже от вражеской пехоты.

Мосты были изготовлены быстро — в один день, и 25 августа началась переправа русских войск через р. Прегель. 27 августа переправа закончилась, и так как боя на левом берегу Прегеля русское командование не ожидало, то отдало приказ о разрушении мостов и о дальнейшем движении на Алленбург. Сильно укреплённые позиции пруссаков на правом берегу реки были обойдены; перед русскими открывался свободный путь на Алленбург и далее на Кёнигсберг.

Но прусский генерал Левальдт, получив запоздалые сообщения о движении русских, быстро навёл понтонные мосты, также переправился через р. Прегель и расположился на её левом берегу совсем неподалеку (в 8—9 *км*) от русского лагеря, у деревни Пуштдорф. Между русской и прусской армиями пролегал Норкитенский лес.

Апраксин имел около 70—75 тысяч строевых солдат, но в том числе было до 20 тысяч рекрутов-новобранцев. У Левальдта было значительно меньше: до 24 тысяч, но обученных и тренированных на войне профессионалов. К тому же русская армия была «на марше», и условия боя для неё, даже при её численном превосходстве, были чрезвычайно невыгодны.

Далее, в самом русском штабе по получении известий о походе пруссаков не знали, что делать. Колебания продолжались

почти до последней минуты: готовиться ли к бою, как полагал Апраксин, или выступать в поход «по генеральному маршу» на Кёнигсберг, на чём особенно настаивал Фермор.

Предложение Фермора было, наконец, принято военным советом, и главнокомандующий Апраксин дал приказ: готовиться к походу и в 4 часа утра 30 августа выступить походной колонной на Алленбург. Таким образом, русская армия, застигнутая врасплох, не готовилась к бою.

Далее, условия местности исключали возможность быстрого построения армии в боевом порядке и ставили русскую армию в критическое положение.

ГЛАВА III.

РУССКАЯ АРМИЯ В БОЯХ 1757—1759 гг.

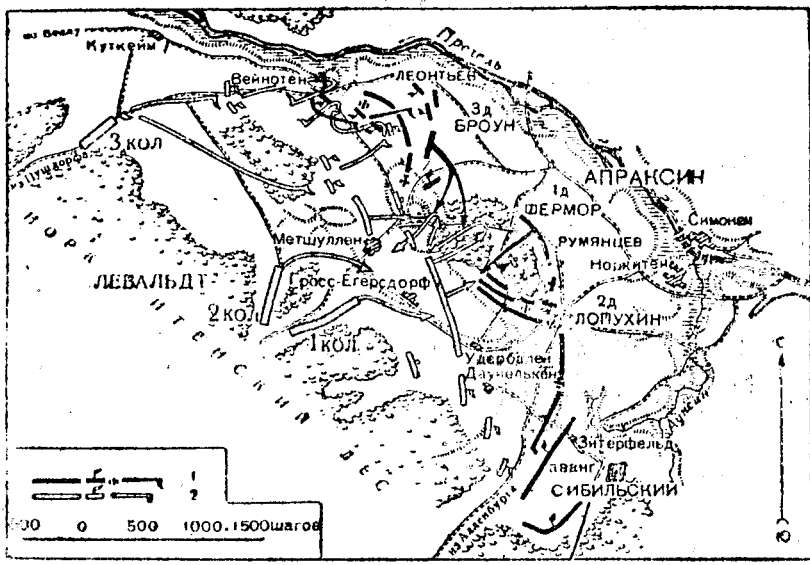
Бой под Гросс-Егерсдорфом (1757).

Русский лагерь располагался на лугу, на левом берегу Прегеля, и занимал довольно благоприятные позиции: раскинувшийся кругом лес, река и ручей хорошо обеспечивали защиту лагеря. Но в случае тревоги русская армия могла выстроиться только на поле у деревни Гросс-Егерсдорф. Поле это было отрезано от лагеря лесом, и движение по лесу возможно было лишь узкой прогалиной («узкой дефилеей») прямо через центральную часть леса или в обход южной дорогой. Кроме того, в тылу армии, на Егерсдорфской позиции, с юга оказывался труднопроходимый болотистый лес: отступление для русских было отрезано. Русская армия могла отступать только на восток, в долину небольшого ручья, но его крутые, обрывистые берега исключали возможность правильного отступления.

Прусская армия запирала все выходы с поля боя на запад и северо-запад.

Русская армия оказывалась в западне, но и в этих условиях была вынуждена принять бой с неприятелем. Неудовлетворительная разведка и медлительность штаба поставили русскую армию в трудное положение.

В час ночи на 30 августа прусская армия Левальдта тремя колоннами бесшумно пошла в наступление на деревню Гросс-Егерсдорф и соседние населённые пункты. Густой туман скрыл от русской разведки движение врага. И вдруг со стороны Гросс-Егерсдорфа раздался барабанный бой, заиграли военные оркестры. Русская армия, отдыхавшая в походной колонне, нежданно-негаданно столкнулись с пруссаками почти лицом к лицу. Это не могло не вызвать на первых порах «наипущего замешательства». Обозами были забиты все подступы к Егерсдорфскому полю. А в штабе продолжался спор: принимать бой или маршировать, как было намечено раньше. Фермор попрежнему настаивал на марше, хотя прусская артиллерия уже поливала огнём русский авангард и вторую дивизию главной русской армии. Но Апраксин настоял на своём: он отдал, хотя и запоздалый, приказ



Схематический план сражения при Гросс-Егерсдорфе (*1—2* русские войска и прусские войска: пехота, кавалерия, артиллерия и направление движения кавалерийских частей).

выводить войска на Егерсдорфское поле и строить их в обычном боевом порядке.

Впрочем, обычный боевой порядок с двухлинейным расположением частей, с расстоянием одной линии от другой на 300—500 шагов, с полевой артиллерией впереди фронта и на флангах, с полковыми орудиями, выдвинутыми впереди соответствующих полков, с конницей на флангах боевой линии — обычный боевой порядок тогда было чрезвычайно трудно, почти невозможно, организовать, тем более что пруссаки уже пустили в ход свою артиллерию. Прусская артиллерия открыла жестокий огонь по отдельным русским частям, примыкавшим к правому крылу второй дивизии. Вражеский огонь и условия местности не позволили закрепить стык между флангами второй и первой дивизий. Левальдт быстро учёл этот опасный для русских разрыв их боевых линий. Тем временем неприятельская кавалерия — кирасиры принца Голштинского — немедля пошли в атаку на левое крыло центра. Атака развернулась «с такой фурией, что и описать невозможно». Русские гусары и казаки были сбиты. Всю силу удара отборных кавалерийских частей врага принял на себя Московский гренадерский полк. Ружейный и пушечный огонь со стороны русских остановил и отбил атаку. Прусская кавалерия откатывалась на юг.

Левальдт решил тогда прорвать русский центр в самом уязвимом месте и своей пехотой вклиниться между частями первой и второй русских дивизий. Прусская пехота с ружьями на перевес перешла в наступление.

Одновременно с этим были двинуты прусские кавалерийские части к р. Прегелю в обход правого фланга русской линии. Потеснив гусар и казаков, конница врага попала под жестокий огонь русской артиллерии и в частности шуваловских гаубиц третьей дивизии.

Не выдержав русского артиллерийского огня, прусская кавалерия и на правом фланге отступала. Тем временем в центре назревали решающие схватки.

Стройные, организованные ряды прусской пехоты всё двигались навстречу русским линиям, к которым продолжали примыкать вновь прибывавшие части. Продираясь сквозь обозы, перелезая через фуры, прыгая через повозки, ручьи и канавы, русские солдаты бежали к своим на линию и занимали свои места. Дезертиров не было. Не было и трусов. Русские солдаты собирали силы, готовились к бою буквально на виду у жестокого, беспощадного врага, двигавшегося стройными рядами с ружьями на перевес.

Пруссаки, подойдя к нашим на ружейный выстрел, дали первый залп. Русская пехота молчала: «ни одним ружейным выстрелом не было ответствовано» (Болотов). Русские молча ждали врага. А враг, не останавливаясь, двигался дальше. Зарядивши на походе ружья, пруссаки подошли ещё ближе и всей своей первой линией дали второй залп. «И на сей залп ни одним ружейным выстрелом ответствовано не было». Русские солдаты непоколебимо стояли и ждали. К русской линии подбегали запоздавшие, группами и по одиночке.

Подойдя ещё ближе, пруссаки дали по нашим третий залп. И не успел затихнуть этот третий «преужасный залп», как с нашей стороны затрещали ружья и загрохотала артиллерия. Огненный шквал обрушился на немцев. «Огонь сделался с обеих сторон беспрерывный ни на одну минуту, и мы не могли уже различить неприятельской стрельбы от нашей. Одни только пушечные выстрелы были отличны, а особливо из наших секретных шуваловских гаубиц, которые по особливому своему звуку и густому чёрному дыму могли мы явственно видеть и отличать от прочей пушечной стрельбы, которая, равно как и оружейная, сделалась с обеих сторон наижесточайшая и беспрерывная» (Болотов).

Части первой дивизии, строившиеся на опушке леса под жестоким вражеским огнём, страдали особенно сильно. Вторая дивизия стояла твёрдо и била врага из мушкетов, пушек и гаубиц беспощадно. Дым окутал всё поле. Людей уже не было видно. Слышна была только трескотня ружей и грохот пушек.

Прусские линии то несколько приближались к нашим, то, отогнанные огнём, опять отходили. И опять наступали, лезли напролом, «нахально». Левальдт, считая, что атакует левый фланг русской армии, в действительности оказался перед центром её. Заметив свою ошибку, он пытался произвести перегруппировку частей, но оказалось уже поздно.

Русские стояли непоколебимо: ни шагу назад. Первая линия

стреляла с колена: «и как села на колени, так и сидела». Но слишком неравны были условия боя, слишком велики были потери русских, слишком быстро редели ряды храбрецов — в некоторых полках из четырёх командиров оставался только один; начальник дивизии Лопухин был смертельно ранен, «а что всего паче, не имели, наконец, более и пороха, как единого и последнего средства к обороне» (Болотов).

Вот почему в это трудное «самонужнейшее» время 2-й гренадерский полк и 2-й Нарвский полк начали отступать. Тогда как бы на помощь русскому центру развернулись действия русского левого фланга. Донские казаки с гиканьем и криком ринулись на прусских кирасир. Бурная казачья лава неслась на врага. Вот уже близок враг. И вдруг, круто повернув коней почти перед самым неприятельским фронтом, донцы стремительно поскакали обратно. Это не было ни испугом, ни бегством казаков. Это был веками испытанный метод кавалерийской казачьей атаки: донцы выманивали неприятеля на бой, «наводили» его на русскую пехоту и русскую артиллерию, готовые встретить врага своими 15 батальонами и 44 орудиями.

Прусские кирасиры решили наказать смельчаков. Стрелой сорвались они с места и, обходя болото, ринулись за казаками. Донцы скакали прямо на своих, на русскую пехоту. И вдруг — пехота раздалась, поглотила донцов, а неприятельских кирасир встретила жестоким огнём. Передний эскадрон врага врубился в нашу пехоту и, рассыпавшись, наносил, пока мог, жестокие удары нашим бойцам направо и налево. Но русская картечь хлестнула пруссаков с фланга «поперёк скачущих друг за другом прусских эскадронов», вырвала у них почти целый эскадрон, а остальных «принудила опрометью назад обернуться. Те же, которые вскакали в наш фрунт, попали, как мышь, в западню» (Болотов).

Русская пехота опять сомкнулась. Русские кавалеристы (гусары и казаки) перерубили кирасир всех до единого. И «кончилось это дело наивожделеннейшим образом» (Болотов).

В центре русские полки, 2-й гренадерский и 2-й Нарвский, начавшие было отступать, опять перешли в наступление. Их поддержали артиллеристы. Им на помощь по приказу Румянцева двинулись стоявшие в лесу, в резерве, полки Троицкий, Воронежский, Новгородский и сводный гренадерский. С барабанным боем, с музыкой, с развёрнутыми знамёнами и криками: «Ура! Наша взяла!» — русские дружным ударом погнали прочь врага, уже прорвавшегося к русским обозам. Грозная штыковая атака русских храбрецов остановила и обратила в бегство немцев.

Первый гренадерский полк бил по врагу картечью из шуваловских гаубиц и «так счастливо в неприятеля попал, что он с великой поспешностью назад побежал». Разгромлённый и на левом фланге, и в центре, враг отступал на запад, к лесу. Бой подходил к концу. Было около 2 час. дня, а бой продолжался уже около 10 час. Русские гнали неприятеля до Гросс-Егерсдорфа. Но дальше к лесу Апраксин двигаться не решался: он опа-

сался, что в лесу могла быть скрыта неприятельская артиллерия. И неприятеля дальше, за лес, гнала только русская конница. Бой кончился полной и бесспорной победой русских. Враг бежал, потеряв до 3 тысяч убитыми, 11 тяжёлых и 17 полковых орудий и «великое множество прочей добычи». Прусское командование допустило во время боя ряд ошибок, самой главной было то, что Левальдт обрушился на центр русской армии, думая здесь найти слабое место, но ошибся.

Неожиданность боя, отсутствие единого плана, отсутствие единого командования, пререкания Апраксина и Фермора, неудовлетворительная разведка — всё это поставило командиров и бойцов русской армии в очень трудное положение. Однако непоколебимое мужество солдат, их смётка, их отвага и упорство в бою решили дело. Историю писали тогда дворяне: историки не сохранили имён героев из народа, но они были, и мужественно бились эти безвестные герои. Хорошо действовали начальники бригад, дивизий и более мелких подразделений. Их имена мы знаем — это генерал Лопухин, подполковник Еропкин, Румянцев, Тютчев, дежурный генерал-майор Панин и др.

Апраксин был прав, когда доносил императрице, что никто ничем не пренебрегал для славы родины в тяжкие минуты Егерсдорфского боя. Если кто чем и пренебрегал, писал Апраксин, так разве только своей жизнью. Ни один из раненых с места не сходил и раны перевязывать не давал до тех пор, пока русская армия не одержала победы, пока дело совсем окончено не было.

Егерсдорфская победа русской армии делала и без того трудное положение Фридриха II почти безнадёжным. Но вдруг русская армия получила приказ: отступать к Тильзиту на зимние квартиры. Для прусского короля этот новый «марш» русских был чудесным спасением, а русская армия негодовала. «Повсюду слышно было только роптание и тайное ругательство (по адресу) наших главных командиров» (Болотов). «Многие въявь почти кричали, что измена и измена очевидная» (Болотов).

А дело было в том, что Апраксин, ожидая смерти Елизаветы и воцарения Петра III, видимо, решил не рисковать своей личной карьерой. Своим личным интересам он принёс в жертву интересы государства.

Апраксин своими действиями по существу помогал тогда прусскому королю Фридриху II и вражеской пруссофильской группировке при дворе великого князя.

Вот почему Апраксин был отдан под суд. Главнокомандующим армией назначен был фон Фермор, и одновременно с этим было решено предпринять зимний поход в Восточную Пруссию и занять Кёнигсберг во что бы то ни стало.

Почему именно Фермор был назначен главнокомандующим? Видимо, потому, что всякий другой русский генерал (Салтыков, Шувалов, Бутурлин) был бы более независимым командиром. А конференция искала «покладистого» генерала, генерала-«дипломата».

Назначение Фермора, родом прибалтийского немца, вызвало

в армии недовольство: его осторожность, переходившая в трусливость, ставила его очень часто в положение человека, не понимавшего интересов России и армии. Солдаты откровенно считали его молчаливым другом Фридриха II. «Ворон ворону глаза не выклюет», — говорили они.

Бой под Цорндорфом (1758).

В январе 1758 г. Кёнигсберг был занят русскими войсками, Восточная Пруссия была объявлена вошедшей в состав Русского государства. Быстрота решения и движение армии обеспечили военный успех. Жители охотно переходили в русское подданство. 24 января 1758 г. началось приведение к присяге. Прежде всего присягало население Кёнигсберга, сначала высшие чины, затем университет, где в это время доцентом был знаменитый философ Эммануил Кант, чиновники учреждений и жители. Но Фермор в качестве губернатора новой провинции быстро и тесно сблизился с прусским дворянством и защищал его интересы, забывая при этом интересы России и армии.

Успехи России в Восточной Пруссии вызвали большую тревогу не только в Берлине, но и в Вене, и в Версале. Австрийские и французские дипломаты боялись самостоятельных шагов России и особенно усиления России в Прибалтике.

Этим и объясняются новые колебания императорской конференции при разработке военных планов на 1758 г. Конференция долго раздумывала: итти ли по берегу Балтийского моря на Штеттин (что было выгодно для шведов) или через Познань — в Силезию и Саксонию (на чём особенно настаивали австрийцы), или на Кюстрин — Франкфурт на Одере и Берлин, что было наиболее оправдано с точки зрения русских интересов, что наносило Фридриху II наиболее решительные удары и что ставило Россию в положение совершенно самостоятельной силы. Это последнее направление на Берлин и было принято конференцией в конце апреля 1758 г.

Тем временем Фридрих II действовал в Австрии и готовился к осаде Ольмюца. В половине июня 1758 г. после двухмесячной подготовки русская армия выступила в поход. К концу июля, разорванная на несколько самостоятельных частей, русская армия располагалась в долине Одера на подступах к Кюстрину и Франкфурту на Одере. Нерешительность и медлительность Фермора, противоречивые распоряжения конференции опять ставили русскую армию под удар и дали возможность Фридриху II, покинув Австрию, быстро стянуть очень значительные силы для борьбы с русской армией. Главные силы русской армии 15 августа 1758 г. подошли к крепости Кюстрин. Крепость лежала при впадении р. Варты в Одер. 16 августа русские артиллеристы начали обстрел города бомбами и калёными ядрами. В городе возникли пожары. В огне погибло до 600 тысяч четвертей заготовленного немцами хлеба. К вечеру пожары усилились настолько, что крепостная артиллерия замолчала. Но Фермор не имел

при армии осадных орудий — «чем брешу сделать». Нехватало и снарядов: за каждое ядро неприятельское, доставленное в артиллерийский парк, выплачивали по 3 коп. наличными (медью). Фермор решил блокировать крепость. А Фридрих II быстрым маршем двигался к Кюстрину, и 21 августа он был уже в Кюстрине, где когда-то в юные годы служил маленьким чиновником придворного ведомства.

В ночь на 23 августа быстро, бесшумно и незаметно для противника прусский король переправил свою армию на правый берег Одера, ниже Кюстрина, и вышел на правый берег р. Митчель, т. е. там, где его никак не ожидали. Армия Фермора оказалась под угрозой окружения; от главной русской армии под начальством Фермора были отрезаны подходившие к нему с востока части под командой Румянцева (около 12 тысяч человек при 11 орудиях).

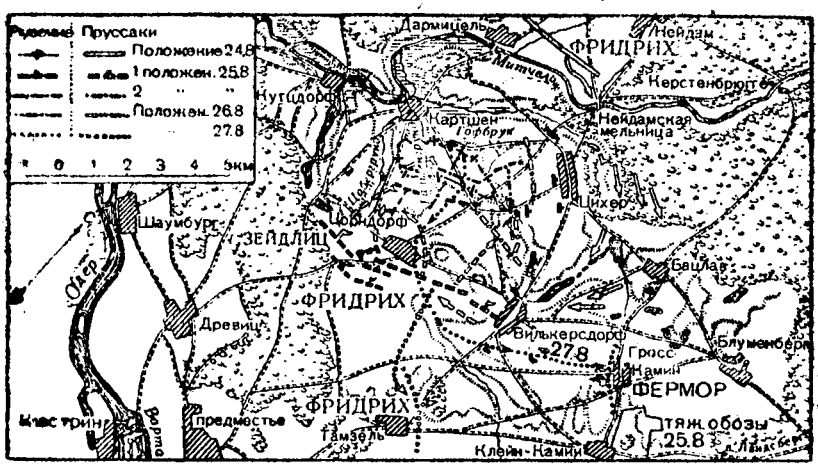
Быстрые марши, столь излюбленные Фридрихом II, сделали своё дело. Русскому командованию было ясно, что блокаду Кюстрина надо снимать, что надо спешно отводить войска из-под крепости, что на новых позициях надо приготовить русскую армию для встречи с армией Фридриха II, в которой насчитывалось тогда до 33 тысяч человек. Фермор приказал отойти к северо-востоку от Кюстрина, по направлению к деревне Цорндорф, расположенной на водоразделе двух притоков р. Одера: р. Митчель — на севере и р. Варты — на юге.

Ранним утром 24 августа из-под Кюстрина торопливо двинулись в путь русские обозы. Следом за ними шли главные силы армии (до 43 тысяч человек при 34 полевых и 100 полковых орудиях).

С разных сторон к Фермору подтягивались подкрепления, отдельные части армии: дивизия Румянцева, корпус Броуна, отряд Штофельна, казаки Ефремова.

Отойдя от Кюстрина и болотистых берегов Одера, армия Фермора расположилась к северу от деревни Цорндорф, по левому берегу р. Митчель. Обозы были отведены на юг от деревни. Цорндорфское поле располагалось между болотистыми берегами Митчеля и Варты; с запада и востока оно было окружено лесом. Это сулило русской армии и большие выгоды, но и большие неприятности. Болотистые берега р. Митчель хорошо прикрывали фронт и правый фланг русской армии, но при возможном отступлении русская армия оказалась бы при движении на юг в болотах Варты, при движении на запад — в болотах Одера. На занятой русскими позиции нельзя было выстроить в обычном боевом порядке всю русскую армию: позиция была слишком тесна для этого. Пришлось, применяясь к местности, разрезать армию на части, раскинув её по сторонам многочисленных оврагов.

Поле битвы — Цорндорфское поле — было обширно (10×12 *км*), на севере оно было окаймлено холмами и возвышенностями, которые были крепко заняты русской артиллерией. Мост через р. Митчель у мельницы, неподалеку от правого фланга



Схематический план сражения при Цорндорфе с показанием предыдущих и последующих передвижений войск.

русской армии, Фермор приказал разрушить. Но уже в ночь на 24 августа авангард прусской армии именно здесь, у мельницы, пытался переправиться на левый берег р. Митчель. Немцы натолкнулись на конные гусарские и казачьи разъезды русского правого фланга. Утром и днём 24 августа шли бои за мельницу и речную переправу. К 2 час. дня вся прусская армия во главе с королём, обходя с востока правый фланг русских линий, перешла на левый берег р. Митчель. До 5 час. вечера русское командование не знало подлинного положения дел, а потому ожидало удара с двух сторон: и в том, и в другом случае врага ожидали со стороны р. Митчель. Но Фридрих II в 3½ час. утра 25 августа развернул глубокий обход правого фланга с юго-востока и, выйдя далеко в тыл русской армии, вынудил Фермора к спешной, неожиданной, а потому, конечно, не вполне организованной перегруппировке войск. Русская армия должна была повернуться вокруг себя: фронт армии стал тылом, тыл стал фронтом. Первая линия стала второй, вторая стала первой. Левый фланг стал правым флангом, правый фланг стал левым флангом.

Опять, как и при Гросс-Егерсдорфе, русская армия вынуждена была строиться почти в виду неприятеля. Как и при Гросс-Егерсдорфе, сказалась неудовлетворительная работа разведки и недостаточная подвижность штаба. Как и при Гросс-Егерсдорфе, Фермор поставил русскую армию, командиров и солдат в очень тяжёлое положение. Только к 9 час. утра 25 августа были даны новые указания о боевом построении русских войск. А в это время под Цорндорфом, с другой стороны, выстроилась уже готовая к бою прусская армия, опять выигравшая в темпах движения и опять удержавшая за собой инициативу боя.

Русская армия в виду врага, как при Егерсдорфе, с поразн-

тельной быстротой и изумительным мастерством перестроила ряды: сказалась ещё петровская выучка «разных оборотов». Выдвинута была по своим местам артиллерия, закреплены фланги кавалерией. Но овраги разрезали армию на части. Холмы скрывали движения врага. В тылу пролегала непроходимая, болотистая Митчель. Гусарам и казакам был дан приказ зажечь деревню Цорндорф. За Цорндорфом стояли немцы. Фридрих II нетерпеливо рвался в бой. Всё предвещало ему бесспорную победу. Положение русской армии казалось королю безнадёжным. Король приказал сжечь все мосты на переправах: он рассчитывал загнать русскую армию в болота Митчеля или Одера. Он приказал не побеждать, а уничтожать русских солдат. С лихорадочным блеском в глазах «захватчивый» прусский король рассматривал позицию русских и, конечно, сразу оценил всю действительную опасность её для русских. Теснота русской позиции сулила особенно богатую жатву для немецкой артиллерии. Фридрих II готовил новый обход русского фланга. На этот раз это был правый фланг русской армии, до перестройки бывший левым. Авангард прусской армии готовился к фронтальной атаке. Первая линия должна была итти уступами, побатальонно (Фридрих II был любителем такой «косой атаки»). Весь свой расчёт Фридрих II строил на удачных кавалерийских атаках; у короля было тогда 83 эскадрона кавалерии против 21 эскадрона русской кавалерии. Фермор рассчитывал на артиллерию: около 200 русских орудий против 116 прусских. Ни Фермор, ни Фридрих II не оценили по достоинству пехоты и в особенности русской пехоты, штыковым ударом решавшей судьбы длительного боя.

Тем временем казаки и гусары подожгли деревню. Дым пожарища окутал поле битвы и позволил русским удачно завершить перегруппировку частей. Пожар деревни мешал пруссакам подвозить артиллерийские снаряды к высотам, которые немцы заняли к северу от деревни.

Фридрих II не выдержал: в 9 час. утра 25 августа он дал приказ открыть огонь по русской армии. Две мощные прусские батареи в 20 и 40 орудий ударили по правому флангу. Сгрудившиеся большими массами на маленькой площади русские части представляли собой очень хорошую мишень для немецких артиллеристов. Иной раз одно немецкое ядро убивало до 10 русских солдат. Два часа длился убийственный огонь. Русская артиллерия отвечала, но на этот раз из-за неудобства позиций недостаточно удачно. А русская пехота стояла под огнём «с неустрашимой и неописуемой твёрдостью». Русской армии после двух бессонных ночей на позициях, исключительно неудобных, предстоял 10-часовой боевой день, страшный по напряжению боевых схваток с «нахальным» и сильным врагом. Основной удар — весь немецкий авангард, т. е. 8 гренадерских батальонов, первая линия (20 батальонов пехоты) и 56 эскадронов первоклассной немецкой кавалерии под командой прусского генерала Зейдлица, специалиста по тактике кавалерийского боя, — должен

был обрушиться на русский правый фланг, где было 35 батальонов пехоты и 9 эскадронов кавалерии.

В 11 час. утра, обходя слева и справа деревню Цорндорф, подожжённую русскими, немецкий авангард фронтально двинулся на русских. Наши встретили его ружейным и артиллерийским огнём. Уступами, побатальонно двинулись за немецкими гренадерами 20 батальонов немецкой пехоты первой линии. Начиналась «косая», или «уступная», атака, имевшая целый ряд преимуществ и прежде всего исключавшая возможность безнаказанной фланговой атаки противника. Однако на этот раз немцам не повезло: немецкий генерал зашёл слишком вправо, оторвался от авангарда, чем немедленно воспользовалась русская кавалерия и непреодолимой лавиной влилась между немецким авангардом и батальонами первой немецкой линии. Немцы не ожидали удара. Их авангард был смят, а первая линия, сильно потрёпанная, обратилась в бегство. Кавалеристы гнали их почти до деревни и отбили 26 полковых орудий, из 28 батальонов вражеской пехоты разгромили 7.

Видя неудачу косой атаки своей пехоты, король нетерпеливо торопил Зейдлица начать кавалерийскую атаку. Но Зейдлиц с тактической точки зрения правильно медлил и не выполнил королевского приказа. Зейдлиц ждал того момента, когда части русской пехоты правого фланга, перешедшие в контратаку, отойдут подальше от своих позиций. Фридрих II второй раз посылает Зейдлицу приказ — атаковать русскую пехоту, грозит генералу наказанием и даже казнью. Говорят, что Зейдлиц, умный и опытный генерал, отвечал королю так: «После сражения моя голова во власти короля. На поле сражения пусть король оставит её мне и позволит использовать её во славу короля!»

И, действительно, в критический момент, когда русская пехота, увлекшись контратакой и разгромом вражеских частей, оторвалась от своих слишком далеко, Зейдлиц бросил все свои 56 эскадронов отборной конницы против 25 батальонов русской пехоты. С фланга, с тыла и с фронта на русских пехотинцев неудержимо неслась конница врага. Русская кавалерия была отброшена. Первый и третий русские гренадёрские полки приняли на себя первые вражеские удары. Началась страшная сеча. «И здесь России воины явили прусским зрелище, какого доселе не видывали». На удары немецких кавалеристов русские гренадеры отвечали ружейной стрельбой; расстрелявши патроны, они бились ручными гранатами; исчерпав их, пустили в ход холодное оружие, но стояли твердо. Лавина вражеской конницы была бессильна их сдвинуть с места. Легче было их убить, нежели принудить к бегству.

«Что до российских гренадер касается, могу сказать, что против их никто устоять не может», — писал по поводу Цорндорфской сечи участник боя прусский кавалерийский офицер.

Русские солдаты, разбившись на мелкие группы, стихийно вырабатывали тут же на месте боя новую тактику обороны —

Битва под Цорндорфом.

круговой обороны. Они сбивались в кучу по нескольку человек и создавали из ружей и штыков неприступную для бешеной конной атаки окружность, закреплялись на круговой позиции. Линия правого фланга рассыпалась, линейный фронт прорван. Казалось — армия разбита. Но бой продолжался. Жестокий штыковой бой. «Сам король ужаснулся, увидев, с какою непоколебимостью дралась наша пехота!» (Болотов). Русские солдаты были предоставлены самим себе: командиры и начальники неизвестно куда запропали. Фермор со свитой бежал с поля боя. Говорят, он был контужен. А может быть, испугался. А может быть, и правы были русские солдаты, говоря, что «ворон ворону глаза не выклюет!» Так или иначе, но Цорндорфский бой продолжался без команды, без указаний штаба.

Рука об руку с солдатами бились только лучшие командиры батальонов и полков, офицеры суворовских взглядов. И русские солдаты в двухчасовой сече добились величайшей победы: когда их расстроенные ряды и группы, уступая численно превосходящему врагу, подались на северо-запад к р. Митчель, Зейдлиц отказался от их преследования. Измотанная и побитая русскими гренадерами вражеская кавалерия, кавалерия известного генерала Зейдлица, отошла за Цорндорф. Зейдлиц не считал и не мог считать себя победителем. Правый фланг русской армии был расстроен, но не разбит и, конечно, не уничтожен, о чём мечтал Фридрих II.

Понятно, почему именно Фридрих II, быстро переходивший от одного настроения к другому, считал, что в итоге первой Цорндорфской сечи положение создалось для немцев угрожающее.

Было уже около 2 час. дня, когда король дал приказ о наступлении против левого фланга русских. С северо-восточной стороны загрохотала вражеская артиллерия. А затем пошла в атаку немецкая пехота. Немцы опять оказались в более выгодном положении: яркое августовское солнце слепило глаза русским, а сильный ветер нёс на русских тучи дыма и пыли.

Командующий на левом русском фланге Броун бросил в контратаку кирасир и шуваловский корпус. Бурным натиском русские кирасиры остановили немецкую пехоту, изрубили два полка, опрокинули первую линию и прорвались ко второй, но отошли, так как немецкая артиллерия и немецкая кавалерия взяли пехоту под свою защиту. На шуваловский пехотный корпус Зейдлиц бросил 60 эскадронов своей конницы. Сводный шуваловский корпус, измотанный бесцельными маршами по Европе, а потому менее других дисциплинированный, не смог выдержать бешеной кавалерийской атаки. Шуваловцы отступили.

Кирасир (без кирасы).

Русские кирасиры вторично были брошены в атаку. Так стремителен был их удар, так жестоко крошили русские палаши немецкую пехоту, что немецкая пехота не выдержала: «в минуту самую решительную... в глазах короля обратилась в бегство» (Архенгольц).

А король, увидя атаку русских кирасир, бросил в бой 10 эскадронов драгун и пехоту. Но драгуны подоспели тогда, когда немецкая пехота, забыв «славу» имени прусского, панически бежала в тыл через полыхавшую пожаром деревню Цорндорф. Попытки остановить немецкую пехоту были безнадёжны. Паника охватила ряды немецких войск. Королевская свита, офицеры королевского штаба бежали. Королевский адъютант попал в плен. Сам король едва не был убит. Русские кирасиры, поддержанные русской пехотой, разили врага. Вахмистр кирасирского полка Илья Семёнов захватил знамя немецкого полка. Королевские драгуны, прорвавшись к русским гренадерским частям, встретили достойный приём.

Русские гренадеры, видя перед собой несущуюся прямо на них массу немецких драгун, «стояли», по наблюдениям прусского офицера, «как герои, и ожидали нас с превеликой неустрашимостью».

Подпустив врага шагов на 20, гренадеры открыли жестокий мушкетный огонь: «Ужасное дело! — записал по этому поводу прусский офицер. — Сколько людей и лошадей погибло. Я ещё удивляюсь, как поразмыслю, каким образом возможно спастись человеку?!» Русские орудия, мушкеты, гранаты, палаши и штыки громили кавалерию Зейдлица, громили королевских драгун.

Действительно, сеча была кровавой: её искал, её вызвал Фридрих II, он её нашёл. Русская пехота вторично била Зейдлица, и Зейдлиц, не поддержанный своей немецкой пехотой, не мог долее биться с русскими пехотными частями. А немецкая пехота, которую тщетно пытался удержать, то угрожая, то умоляя своих солдат, сам прусский король, постыдно бежала с поля боя. День клонился к вечеру. Бой затихал и кончился на закате — около 7 час. Наступала ночь. Дела прусского короля не были блестящи. Левый фланг, совершенно расстроенный, располагался у деревни Цорндорф, правый, сильно потрёпанный, вытягивался далее на восток. Артиллерия без прислуги в большом числе была раскинута по всему полю боя. Король не досчитывался почти 12 тысяч человек, т. е. половины той живой силы, с которой утром он так уверенно начинал бой. Он потерял 26 орудий, 8 знамён и 2 штандарта. Невзирая ни на что, Фридрих сообщал в Берлин о победе. Но русские продолжали стоять, как стояли, хотя и понесли тоже тяжкие потери. Русские в третью бессонную ночь под носом неприятеля подбирали раненых, хоронили убитых, собирали по полю подбитые орудия; не имея лошадей, подтаскивали их в тыл на себе, как могли. Раненых казаки перевозили в тыл в тороках, на шинелях. Немцы отказались выдать русских раненых. А по свидетельству капитана прусской армии Архенгольца «немцы много тяжело раненных русских, оставленных без всякого призрения на поле битвы..., кидали в ямы и зарывали вместе с мёртвыми. Напрасно злосчастные бились между мёртвыми, стараясь размётывать их и подниматься. Другие трупы, на них бросаемые, тяжестью своею навечно отверзали для дышащих ещё страшную могилу!»

Ночь прошла под ружьём.

На утро 26 августа возобновилась артиллерийская перестрелка. Русские в поисках лучших позиций и воды передвинулись на юг, ближе к немцам и деревне Цорндорф. Немцы пытались опять обойти русскую армию с фланга, но неудачно. Русская конница ложной атакой навела немецкую кавалерию на русскую артиллерию: «раздавшись направо и налево, артиллерии место очистили, которою неприятель так встречен был, что в превеликое смятение и расстройство его привели». Хвалёная немецкая кавалерия под ударами русской артиллерии опять отступала. Её преследовали наши славные конники и отбили батарею с 8 пушками.

К концу дня 26 августа обе армии — и наша и немецкая — отошли на более выгодные позиции. Фридрих II стал тылом к Кюстрину.

Русские войска, занимая новые позиции, прошли фланговым маршем мимо немецких войск около 7 *км* и стали фронтом к Кюстрину, готовые к новым боям.

Видя образцовый порядок у противника, Фридрих II не отважился атаковать не только армию, но и арьергард русской армии. Русская армия под Цорндорфом, занимая почти безнадёжные позиции, не была не только уничтожена или загнана в болота, о чём мечтал и в чём был уверен Фридрих II, она не была ни побеждена, ни разбита и твёрдо стояла на своих позициях. Это вынужден был признать и сам «беспокойный, захватчивый и возмутительный король» — Фридрих II. «Завтра утром, — говорил он окружающим, — мы можем двинуться отсюда и проститься с теми, которых я не сумел сокрушить».

Прусский король потерял под Цорндорфом лучшую часть своей армии и позже не любил вспоминать о сражении, которое в изображении немецких историков очень часто превращалось в «блестящую победу» короля.

Рескрипт русской императрицы по поводу Цорндорфского боя, славного для русских войск, был поразительно сух. Трусость или предательство штаба, понятная для нас неустойчивость шуваловского корпуса обратились в позорное пятно для всей русской армии. Около 130 лет русские историки повторяли рескрипт императрицы и не умели по-настоящему рассказать о великом героизме русского солдата под Цорндорфом, русского крестьянина-рекрута, победившего ещё раз прусского короля.

Несколько позже — примерно через год после Цорндорфа — императорская конференция изменила оценку славного для русской армии боя и вернее определила роли и позиции сторон. В рескрипте от 5/16 июня 1759 г. читаем: «Умеет подлинно король прусский всеми и самыми малыми получаемыми выгодностями пользоваться и наступает отчаянно; однакож и то известно, что и робок, когда дело не совсем по его желанию идёт. Довольно тому примеров было, что король прусский с таких баталий ретировался и совсем потерянными их почитал, которые после одним слепым счастьем и некоторою неосторожностью его соперников в пользу его решались. А последняя Цорнодрфская баталия больше всего служит доказательством, что сколько при счастии обилен король прусский в ресурсах, столько в противном случае лишается оных, ибо теперь известно, что в самое время жесточайшего сражения и когда он, по положению мест и по превосходящему числу сил, имел разные пред армиею нашею выгоды — со всем тем ретироваться приказывал и ретировался». Сам Фридрих по этому поводу писал: «мои негодяи бежали, как старые бабы».

Самые тяжкие поражения армии Фридриха II наносила именно русская армия. Вот почему против русской армии Фридрих II всегда старался выступать лично.

Бой под Кунерсдорфом (1759).

На русско-прусском фронте после Цорндорфского боя опять наступило затишье. Через три месяца после боя, в ноябре 1758 г., русские войска располагались на далёких от фронта зимних квартирах: они были отведены за Вислу. Но и прусская армия, сильно потрёпанная русскими под Цорндорфом, вынуждала Фридриха II отказаться от наступления и перейти к обороне.

Австрийское командование, учитывая реальное соотношение сил, просило правительство России о высылке в Силезию двадцатитысячного корпуса: «таковой бы корпус непобедим быть мог за храбростью русской пехоты, что довольно из даваемых баталий видно...»

Действительно, события на фронте ясно указывали миру, на чьей стороне не только право, но и сила. Тем временем пререкания между Петербургом, Веной, Версалем, Стокгольмом всё возрастали. Во Франции и даже в Австрии стали поговаривать о мире. Фридрих II выступал защитником польских «вольностей» против «российского усильства». Елизавета решила воевать с прусским королём-агрессором «до последнего рубля и последнего солдата». А что касается Франции, Елизавета в рескрипте 5/VI 1759 г. разъяснила, что Франция воюет «больше собственно для себя, по причине её партикулярной войны с Англией».

Зимой и весной 1758—1759 гг. в России были собраны новые тысячи рекрутов-новобранцев, пополнены офицерские кадры действующей армии, ремонтирована конница, т. е. пополнена лошадьми, значительно усилена артиллерия: на пополнение убыли и на замену устаревших образцов был принят в армию 181 единорог; улучшено снабжение и продовольствие армии. Учитывая недовольство армии бесцельными для России маршами в Силезию, выгодными лишь для Австрии, члены конференции 14 июня утвердили новый план летней кампании 1759 г.: было решено начать борьбу за подступы к Берлину и «учинить диверсию» в этом направлении.

Под давлением армии, при деятельном участии таких командиров, как Румянцев (а Румянцев не был одинок), Фермор был смещён с должности главнокомандующего. В армии упорно носились слухи, что Фермор «заодно с королём прусским». Адъютант Фермора, как выяснилось, действительно был прусским шпионом.

30 июня генерал-аншеф Салтыков принял командование над армией. Кандидатуру Салтыкова поддерживали австрийские дипломаты. Видимо, рассчитывали найти в Салтыкове тоже «покладистого» генерала. Но, кажется, австрийцы ошиблись в выборе. Салтыков, маленький простенький старичок, подобно Суворову, не любивший придворного этикета и придворных условностей, удивлявший придворных своим чудачеством, подобно Суворову, любил Россию, любил русскую армию и русского солдата, прекрасно понимал психологию русского человека и хорошо разбирался в интересах России в Семилетней войне. Салтыков лично

и с увлечением любил следить за ходом боя, с поразительным хладнокровием и меткостью отдавал распоряжения по фронту.

Огромное значение придавал он разведке. Лично проверял аванпосты, настаивал на пополнении калмыцких отрядов, верно оценивая их боевые качества в разведке и охранении. Салтыков был сторонником плана самостоятельных действий России в войне с Пруссией. Ему советовали совещаться с Фермором — он предпочитал решать вопросы самостоятельно. Ему советовали прислушиваться к голосу австрийских военных специалистов — он принимал весь австрийский генералитет с ласковостью, выслушивал генералов насколько мог терпеливо, избегая «предосудительной холодности», а позже признавался, что «австрияки ему неоднократно скуку нанашивали» своими переменными поступками.

Генерал-аншеф Салтыков.

Салтыков был вполне самостоятельным русским стратегом. Подобно Суворову, он был сторонником так называемой «двухполюсной стратегии»: хитрый маневр и стремительная атака имели с его точки зрения одинаковое значение.

По всем воинским правилам «запрещается неприятеля атаковать, где оный преимущественно расположен». «Искусная ретирада и выигрывание времени не назовётся ретирадою, но стоит почти целой победы». Но «невозможно подлинно всегда и отступать». «Хорошо атаковать с порядком». Рисковать ради одной блестящей атаки судьбой армии недопустимо: «азартовать жребий армии одной атакой непохвально». «У нас люди не наёмные. Людей потерять — славу помрачить». Так выясняются основные позиции Салтыкова как главнокомандующего, поскольку его мысли отразились в современных ему инструкциях конференции и в его частной переписке.

Вполне понятно, почему Салтыков оставался главнокомандующим так недолго, в сущности в течение одной кампании 1759—1760 гг. В сентябре 1760 г. Салтыкова (будто бы из-за его болезни) заменили всё тем же Фермором, удобным для двора.

Отдохнувшая и подкреплённая за зиму русская армия летом 1759 г. перешла в наступление. Перед ней стояла ответственная задача: бой за Одер, за Франкфурт на Одере, бой за подступы к Берлину и «диверсия» на Берлин.

Конференция напоминала, однако, Салтыкову, что «река Одер есть навсегда вашим центром», т. е. что движения в сторону от р. Одера недопустимы, что армию возможно отводить от неё марша на два, на три не более. Диверсия на Берлин предусматривалась, таким образом, лишь как кратковременная. Предусматривались совместные действия австрийских и русских войск. Это означало лишь следующее: чем энергичнее будут бить врага русские, тем упорнее австрияки будут радовать Фридриха своей сознательно рассчитанной медлительностью или бездействием.

20 июля русские войска, подходя со стороны Познани, перешли границы Бранденбурга. Фридрих II, в расчёте на медлительность австрийцев, нетерпеливо требует от своих генералов разгрома русских войск, шлёт на фронт своих специальных представителей, облечённых исключительными полномочиями.

Фридрих искал для своих генералов встречи с русскими; встреча состоялась 23 июля при деревне Пальциг, вблизи р. Одера, на далёких подступах к Франкфурту на Одере. Бой длился 5 час. За это время была нещадно бита как прусская кавалерия, так и в особенности прусская пехота. Неожиданно для врага Салтыков вытянул войска в очень длинную линию, что затрудняло излюбленные немцами фланговые обходы и, с другой стороны, облегчало для русских охват и разгром бригады за бригадой, которые с поразительным упорством бросал в бой прусский генерал. Прекрасно было организовано взаимодействие различного рода войск. Метко учтены и использованы все особенности местности. В этом заслуга самого Салтыкова. В бою отличились чугуевские казаки, захватившие у врага одно орудие. Мастерски рубила врага русская конница, не сделав по врагу ни одного выстрела. Пруссаки под натиском русских бежали. За 5 час. пруссаки потеряли до 8 тысяч человек, в том числе свыше 4 тысяч убитыми. Донося о победе, Салтыков особо отмечал стойкость, мужество, отвагу и доблесть русского солдата.

Беспощадный в бою с равным, русский солдат не бил лежачего; бывали случаи, когда тяжело раненных, беспомощных или умирающих солдат прусской армии русские смельчаки выносили на себе из сферы огня. После боя русские солдаты делились хлебом и водой с пленными, а в хлебе и воде они сами «великую нужду тогда имели». Великодушие, подлинная человечность русского солдата под Пальцигом напоминала пруссакам их «вопиющие к небу жестокости» по отношению к русским раненым под Цорндорфом.

Узнав о поражении пруссаков, Фридрих II проклинал своих генералов и писал брату, что «русские — не французы».

Салтыков, двинув армию на Франкфурт и Берлин, требовал движения австрийцев в том же направлении. Нетрудно догадаться, что австрийцы возражали не только против похода на Берлин, но и против похода на Франкфурт. Но, возражая, спешили во что бы то ни стало обогнать русских и первыми вступить во Франкфурт. Австрийцы проявили непривычную для них подвиж-

ность, но всё-таки не сумели обогнать русских; они, опаздывая на один день, подошли только 1 августа, а 31 июля русские весьма тихо и без барабанного боя подошли к городу. Большой мост через Одер оказался разрушенным, маленький мост перед

Драгун.

предместьем — тоже, а подъёмный мост поднят. Комендант города в ответ на предложение русских: «Город сдать!» — отказался и сообщил, что к городу «знатный секурс (т. е. значительные подкрепления) ожидается». Тогда русская артиллерия пустила по городу 1 ядро двенадцатифунтовое и две бомбы двухпудовые. И тотчас же у городских ворот раздался барабанный бой; по-

явился городской секретарь и как парламентер просил бомбардировку прекратить и «далее городу не вредить».

Занятие Франкфурта на Одере русскими чрезвычайно встревожило прусского короля.

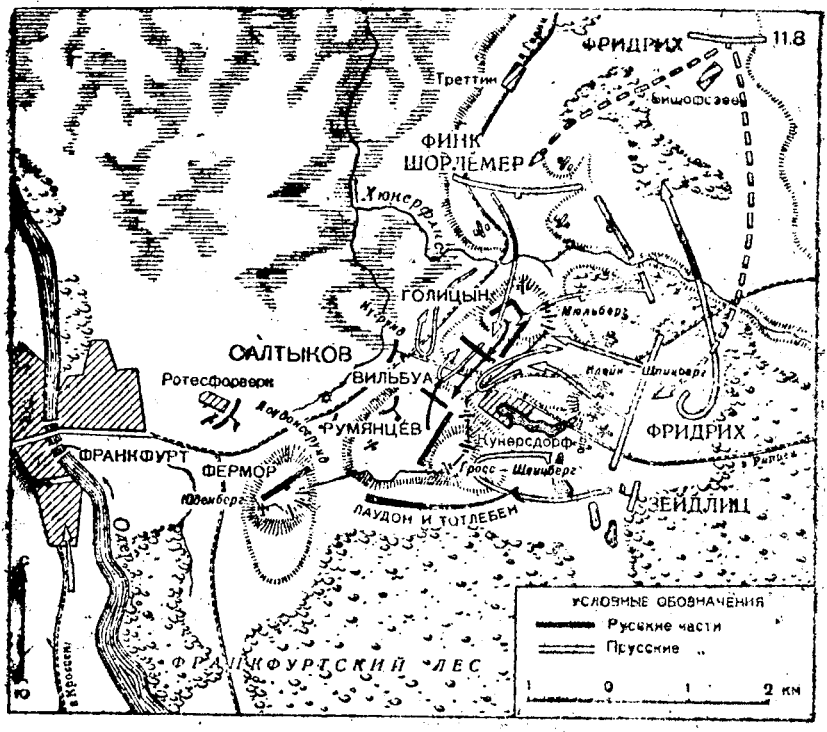
Однако для развития успехов русской армии оказались препятствия: нехватало артиллерийских припасов, фуража, лошадей. Поэтому план похода на Берлин сменился планом набега. Во главе экспедиции был поставлен Румянцев. Но и это было задержано австрийцами, требовавшими движения русских войск на соединение с австрийскими. Австрийский штаб и придворный военный совет ещё раз выручили Фридриха II из беды. Пока союзные силы стояли на месте, прусский король, днём и ночью совершая огромные переходы, спешил к Франкфурту. Шесть бессонных ночей — и Фридрих на берегах Одера, в 5 *км* от противника.

Салтыков, предвидя неизбежность боя, решил укрепить ранее занятые им позиции. Оставив во Франкфурте маленький отряд в 260 человек при 6 офицерах, Салтыков перевёл армию на правый берег Одера, где от предместий города на северо-восток тянулась цепь холмов с крутыми склонами в сторону Одера и более отлогими — в сторону водораздела. К югу от них раскинулась деревня Кунерсдорф, окружённая с юга, юго-запада и востока Франкфуртским лесом. С востока и северо-востока, огибая лес и деревню Кунерсдорф, протекал ручей Куриный (Хюнерфлис), терявшийся в прибрежных болотах правобережья Одера. К северу и северо-западу от Кунерсдорфа в расстоянии не более 1 *км* начинались болота. Они были естественной западной границей Кунерсдорфского поля.

От Франкфурта до Кунерсдорфа — около 5 *км*. Примерно на полпути располагалась наиболее значительная высота Юденберг, её особенно прочно укрепил Салтыков. Пять русских батарей должны были обстреливать выходы из Франкфуртского леса и мост через Одер, что был выше Франкфурта, откуда могли подойти подкрепления; четыре моста у самого Франкфурта — важные при отступлении — были также в сфере огня батареи Юденберга.

Над самой деревней Кунерсдорф господствовали высоты Гросс- и Клейн-Шпицберг, за них развернулся особенно напряжённый бой; их удерживали 17 русских полков под командой Румянцева. Кунерсдорфская позиция была достаточно крепкой, если располагать армию фронтом к Одеру. Фланговые обходы были крайне затруднены, косая атака трудно осуществима. Правда, труднопроходимые овраги разрывали боевые линии, затрудняли связь; площади возвышенностей и холмов были незначительны: защищать их конницей было невозможно. Болота и овраги мешали отступлению на восток.

Однако позиция резко изменила своё значение, когда Фридрих II неожиданно для Салтыкова вброд и понтонами перевёл свою армию через Одер и пошёл на сближение с русскими с севера, из-за Хюнерфлиса.



Схематический план сражения при Кунерсдорфе.

Произошло примерно то же, что и при Цорндорфе. Русский фронт становился тылом, а более слабый — по условиям местности — тыл становился фронтом. Высота Юденберг, занятая русско-австрийскими силами, оказалась на правом фланге, центр расположился в районе Кунерсдорфа, а левый фланг протянулся к возвышенности Мюльберга, у батареи; фронт вытянулся примерно на 4 *км*.

Отступление для русских было невозможно: армия стала бы тогда перед опасностью неприятельской атаки «на марше», что однажды произошло при Гросс-Егерсдорфе.

Фридрих II имел армию в 48 тысяч при 114 тяжёлых орудиях, в этом числе была и вновь созданная им конно-артиллерийская батарея. Первой линией командовал сам король.

Под командой Салтыкова было до 60 тысяч человек. Но это были соединённые русско-австрийские силы, лишённые единого командования, что значительно ослабляло русский фронт.

12 августа кавалерия Зейдлица начала переправу через Хюнерфлис. Плохо ориентированный в местности, Фридрих II не сразу выбрал направление для первого удара. Первоначально он намечал ударить по русскому тылу, но затем решил атаковать левое крыло. Принятый Фридрихом II план атаки высоты Мюльберг на левом фланге русских войск был неудачен. Действитель-

но, это было слабейшее звено в линии русских укреплений. Но даже захват Мюльберга и полная победа королевских войск на левом русском фланге совсем не решали дело. Ключом позиции был Юденберг.

В 9 час. утра королевская артиллерия начала обстрел Мюльберга. Укрепления Мюльберга при перестройке русских боевых линий оказались неприспособленными к местности. Батареи Мюльберга достигали цели, пока прусская армия была в отдалении и на холмах, но пруссаки, спускаясь в лощину, быстро выходили из сферы действия огня: «стрельба из наших пушек сделалась недействительна». Когда же из лощины неприятель поднимался на Мюльберг, то расстояние до него было так мало, что ни картечь, ни ружейный огонь не давали необходимого эффекта. Пруссаки с яростью лезли на русские укрепления. Шуваловский корпус опять не выдержал и отступил. Неожиданный успех усиливал Фридриха: из строя выходило 42 орудия и 15 батальонов.

С Мюльберга немцы открыли огонь по Гросс-Шпицбергу. Русская контратака против Мюльберга не удалась, и король видел перед собой перспективы полного разгрома и уничтожения русской армии. Однако, не забывая об опасности захвата Берлина, он послал отдельный отряд на Франкфурт; без большого труда город был занят пруссаками. Далеко не все в штабе Фридриха рассчитывали на быструю и лёгкую победу на Кунерсдорфском поле.

Рассказывают, что Фридриха II в его мечтах об уничтожении русской армии поддержал тот самый генерал, которого русские потрепали под Пальцигом. Но так или иначе прусские части, стоявшие у деревни Кунерсдорф, начали бой за деревню, в которой засели русские. В трёхчасовом бою последние сдерживали натиск вражеской пехоты. По деревне с Мюльберга и Клейн-Шпицберга упорно, не останавливаясь, била вражеская артиллерия, и русские вынуждены были оставить дымящиеся развалины Кунерсдорфа. Было уже около 3 час. дня. Враг подступал к Гросс-Шпицбергу. Здесь-то и развернулись решающие события дня. Салтыков перебросил на Шпицберг два полка с Юденберга, перестроил фронт и встретил врага ружейным огнём, гранатами и картечью. Русские били немцев в лоб и с фланга, обстреливали с Юденберга артиллерией. Враг откатился, неся огромные потери, и опять двинулся в атаку. Учитывая особенности позиции, Салтыков приказал строиться очень короткими линиями, выходившими одна за другой на линию боя, навстречу упрямому врагу. Вражеская артиллерия разбивала эти маленькие линии одну за другой. Но им на смену с суровой решимостью, «с неописуемым мужеством» шли и шли новые ряды безвестных героев. «Сидючи на коленях они до тех пор отстреливались, покуда уже не оставалось почти никого в живых в цепях» (Болотов). Враг нёс огромные потери, но лез на Шпицберг во что бы то ни стало. Сам король руководил битвой. Во время второй, более удачной для немцев атаки они подошли к главной русской батарее

примерно на 150 шагов, т. е. на 100 м. Батарея была надёжно укреплена насыпью, наподобие правильного бастиона. Перед батареей и между батареями пролегали линии окопов для укрытия и огня пехоты. Завязалась смертельная схватка. Неустрашимость врага иссякала. Фридрих бросал в бой всё новые силы. Одна за другой были убиты под ним две лошади. Он взял лошадь адъютанта. Русская пуля пробила мундир короля. Король смотрел, не отрываясь, в подзорную трубу на обрывистые склоны Шпицберга. Стойкость и мужество русских выводили его из себя. Но вдруг король увидел, как дрогнули ряды пруссаков, и понял, что катастрофа неизбежна. Теряя самообладание, от увлечения боем и уверенности в себе быстро переходя к панике, король вспомнил ещё раз свою великолепную конницу и дал приказ Зейдлицу: «В атаку!» Военные специалисты утверждают, что это было чистым безумием. Зейдлиц возражал королю. Король настаивал. И Зейдлиц, обводя свою кавалерию вокруг Кунерсдорфа с востока, пошёл в атаку. Но что могла сделать кавалерия, когда русская артиллерия с высот Шпицберга поливала её ураганным огнём, когда с флангов она была зажата в тиски русской и австрийской кавалерией?

Первоклассная немецкая кавалерия, гордость прусской армии, ещё раз была бита русским пехотинцем, артиллеристом и кавалеристом. Тогда король отправил в Берлин специального курьера с приказом об эвакуации столицы.

Кавалеристы Зейдлица сбратились в «совершенное бегство» и увязали в болоте. Мастерство их генералов сказалось только в том, что они сумели вывести с поля боя из безнадёжного положения свои сильно потрёпанные и расстроенные части. Несмотря на неудачу кавалерийской атаки, немецкая пехота продолжала лезть на Шпицберг. Более того, был момент, когда победа казалась им близкой. Часам к пяти они пробились до батареи, захватили и заклепали одну за другой несколько пушек. Над русской батареей взвилось немецкое знамя. Но кавалерийская атака, поддержанная русской пехотой, смертельным ураганом опрокинулась на смельчаков. Пруссаки были задавлены, их подкрепления смяты и отброшены; во фланг пруссакам ударили четыре русских пехотных полка. Повсюду гремел барабанный бой, врываясь в грохот артиллерийских орудий. Всё чаще и чаще разливалось по полю победоносное русское «ура». В новом припадке отчаяния, видя, как с Юденберга всё идут и идут свежие русские силы, Фридрих II опять вспоминает о коннице. На этот раз он пытался бросить её в тыл наступающей русской пехоте, а при удаче захватить и Шпицберг, откуда русская пехота тоже пошла в наступление. Прусская кавалерия целиком охватила с тыла левый русский фланг, на миг захватила даже Шпицберг, но, по остроумному замечанию Клаузевица, «именно в этот миг король попал в петлю собственной системы косого боевого порядка».

Драгуны принца Вюртембергского, гусары Путткаммера были смяты русскими конниками, смелены ураганным огнём артилле-

рии. Шпицберг был очищен от пруссаков. Прусская пехота в панике сгрудилась на Мюльберге. Русская артиллерия — шуваловские гаубицы — била их беспощадно. Сброшенные с высоты, пруссаки бежали по узким проходам между озёрами кто куда, вслепую, панически и неудержимо. Русские их преследовали. Пруссаки проиграли ещё один жестокий бой. К 6 час. вечера они были выбиты из Кунерсдорфа. Но Фридрих не сдавался. На русский фланг он бросил последнюю свою опору: два эскадрона своих лейб-кирасир. Салтыков двинул против них чугуевских казаков.. Те расправились с королевской гвардией по-казацки: мастерской атакой они сбили их, забрали в плен командира и штандарт. Лейб-кирасиры, забыв «славу» короля и «имени прусского», отступали в беспорядке. И тогда Фридрих понял ещё раз, что русские — не французы и не австрийцы. Король в безумии метался по полю, истерически кричал и ругал бегущую пехоту. Королевская свита и конвой потеряли короля из виду. Король один, покинутый всеми, сам попал в неудержимый поток беглецов, спасавших свою жизнь. Русские казаки едва не захватили его в плен. Подоспевший с 40 гусарами адъютант спас короля. Положение его было действительно плачевно. «Я несчастлив, что я ещё жив. Когда я говорю это, всё бежит. У меня нет больше власти над этими людьми. Поправить несчастье невозможно». Король был близок к самоубийству. Делал последние приготовления к передаче престола. «Если бы я имел ещё какие-нибудь средства, я бы остался в мире. Прощайте навсегда!»

«Где пышный дух твой, Фридерих?» — вопрошал в очередной оде Ломоносов.

«Однакож и то известно, что робок, когда дело не совсем по его желанию идёт», — писала о Фридрихе II императрица Елизавета.

Фронт прорван. В Берлине паника. Королевская фамилия в 9 час. утра 13 августа спешно выезжала в Магдебург. Весь город был забит каретами, фурами, повозками, толпами пешеходов с котомками за плечами. Всё бежало. Берлин, тогда открытый город, пустел.

Гарнизон в составе 2—3 батальонов получил приказ при появлении противника отступить. Магистрат оставался для сдачи города. Русских ждали в течение ближайших 24 час.

Славная Кунерсдорфская победа ещё раз открывала русским дорогу на Берлин. «Я бы сейчас пошёл на Берлин», — говорил молодой Суворов, наблюдавший со штабом Волконского Кунерсдорфскую битву. Но Фридрих напрасно жаловался на судьбу. Напрасно говорил он, что судьба, как дама, перешла на сторону тех трёх дам, которые с ним воюют. Король имел в виду императрицу Елизавету, императрицу Марию Терезию и фаворитку Людовика XV, мадам Помпадур. Напрасно... Судьба и австрийский двор много раз выручали прусского короля. Выручили его и на этот раз: австрийская главная квартира требовала посылки русских войск в Саксонию, на Дрезден, а не на Берлин. Опять появился план движения на Силезию. Опять начинались бессмыс-

ленные переговоры и дискуссии, а за дискуссиями «марши» славной русской армии, получившей медаль «Победителю над пруссаками», столь сильно страдавшей от всех перипетий австро-русской политики.

А Фридрих II, от преследования которого отказались австрийский генерал Лаудон и генерал российской армии Тотлебен, немец по происхождению, тайный агент прусского короля по должности, бежал за Одер с 3 тысячами человек. Через несколько дней Фридрих II уже забыл о самоубийстве, забыл и об отказе от престола. Он собрал уже армию из беглецов и дезертиров, которых ловили повсюду, до 10 тысяч человек, и, конечно, понял, что у него ещё есть средства борьбы. И продолжал борьбу. «Я думал, что они направятся в Берлин, а они пошли в противоположную сторону... Вот чудо Бранденбургского дома!» — насмешливо заключал Фридрих II, уже оправившийся от всех перипетий и испуга тревожных дней.

Русские солдаты всегда тревожили и били Фридриха II. Австрийские дипломаты и военные специалисты всегда радовали прусского короля своей или медлительностью, или бездействием, или прямым сочувствием Пруссии.

Салтыков был готов бить Фридриха II: «оного атаковать, разбить и по крайней возможности утеснить или инако, не дав ему время поправиться, сильный удар причинить».

В правильности этого плана он пытался убедить и Дауна, австрийского главнокомандующего. Но Даун тянул в Саксонию. И тогда Салтыков совершенно правильно ссылался на то, что русская армия сделала достаточно для общего дела борьбы с агрессией прусского короля. «Оружие победоносное отдых требует». Армия русская «по толиким трудам, которые она форсированными маршами и двоекратною сряду баталиею (разумеется Пальциг и Кунерсдорф) понесла, всеконечно отдыхом пользоваться должна». Пусть австрийская армия поработает. «Австрийской работать надлежит для доставления спокойных винтерквартир» (зимних квартир).

Салтыков правильно указывал, что Австрия достаточно загребла жару чужими руками, тогда как в русской армии «от частых баталий люди умаляются и армия в бессилие приходит». В армии нехватка епанчей, мундиров, обуви. Обмундирование обносилось, порвано, «в баталиях погибло, от бомб погорело». И при всём том Салтыков указывал, что дезертиров в армии не было. «Дезерции нет!» Объяснять это пребыванием русской армии в чужих краях и трудностью или невозможностью побегов — нельзя. Достаточно вспомнить побеги русских из военного плена. А тут «все безвестно в Кунерсдорфе пропавшие» нашлись, после многих испытаний и треволнений опять прибились к своим частям. И позже, в декабре месяце, когда ударили морозы, когда из неприятельской армии дезертиры шли группами по 8—12 человек, отрядами по 20 человек, когда каждый месяц отмечалась утечка свыше 500 человек солдат наёмников, а «дезерции при (русской) армии почитай не было».

Несмотря на протесты Салтыкова, опять начались бесцельные и вредные для России «марши» русской армии по Европе.

Только к концу ноября Салтыкову удалось вывести свою армию на зимние картиры. Армия расположилась по Висле, за Вислой и в Восточной Пруссии.

Фридрих тем временем лихорадочно собирал новое войско. Нечего говорить о том, из кого оно было набрано. Одновременно Фридрих II деятельно искал сепаратного мира с Россией. «Одно чудо может нас спасти», — так думали тогда не только прусские министры. Так думал прусский король. «Я дрожу, когда вижу приближение кампании», — писал Фридрих II.

О мире мечтала и Франция, но при условии ограничения возрастающего могущества России. При таких условиях продолжение войны России против Пруссии было неизбежно. И война продолжалась. Опять пополнился строевой состав армии. Особое внимание на этот раз было уделено вопросам довольствия армии: честный и знающий дело генерал был поставлен во главе провиантского управления. Это был Суворов-отец.

К новой кампании 1760 г. против 200 тысяч прусских войск союзники могли на всех фронтах (французском, шведском, австрийском и русском) выставить до 375 тысяч человек.

Но прежняя несогласованность действий союзных штабов позволяла Фридриху II не только маневрировать, но и наступать и даже побеждать противников. К тому же не без влияния прусской агентуры были произведены новые перемещения в командном составе: Салтыков отстранён, назначен Бутурлин, даже не умевший читать плана местности. В разработке военных планов русского командования участвовали агенты прусского короля (генерал Тотлебен) или друзья прусского короля (военный атташе Франции Монталамбер), а потому Фридрих узнавал о них раньше, чем кто-либо другой.

ГЛАВА IV.

РУССКИЕ В БЕРЛИНЕ (1760).

К концу сентября 1760 г. был принят план одновременных операций в Прибалтике (в прусской Померании), а в центре — захват Берлина.

Берлинская экспедиция поручалась лёгкой коннице генерала Тотлебена. Главные силы армии должны были держаться линии Одера и не уходить далее Франкфурта. Тогда никто не подозревал, что Тотлебен предаст и продаст интересы России и армии. Армия выступила в поход в твёрдой уверенности, что наконец-то последним решительным ударом удастся ликвидировать короля-агрессора. Поход начался из Силезии, из-под крепости Глогау, осада которой первоначально стояла в плане. 26 сентября 1760 г. отряд Тотлебена при 15 орудиях, в составе 5 казачьих, 3 гусарских и 2 гренадерских полков двинулся в северо-западном направлении на Берлин.

В качестве прикрытия отряд имел 7 пехотных полков. Пехотой командовал генерал Чернышёв. Генерал Тотлебен при отправке добился особой для себя инструкции, в силу которой он объявлялся совершенно самостоятельным начальником экспедиции и Чернышёву как старшему не обязан был давать никакого отчёта в своих действиях. Изменнику были развязаны руки.

27 сентября следом за Чернышёвым двинулись главные силы армии; в арьергарде армии шёл Румянцев.

Отдельные части были брошены на Франкфурт. Город был занят без труда. Отряд Тотлебена невероятно быстрыми темпами двигался к Берлину. Делая в сутки по 30—40 *км*, подвозя пехоту на повозках, Тотлебен подошёл к Берлину уже 2 октября. Армия ликовала. Но никто и не подозревал, что у предателя-генерала был задуман коварный план сорвать экспедицию.

Генерал Чернышёв.

Чернышёв, получив в подкрепление 10 эскадронов кирасир, расположился на ближних подступах к Берлину, в Фюрстенвальде (в 40 *км* от Берлина). Среди вновь прибывших кирасир были добровольцы-волонтёры; с ними тоже волонтёром в отряд Чернышёва прибыл и молодой Суворов.

Подозрительна была поспешность Тотлебена. Подозрительной остаётся и медлительность Фридриха; зная о движении русской армии к Франкфурту и Берлину, он застрял в Силезии и Саксонии и так и не попал к Берлину. Несомненно одно: Тотлебен держал его в курсе своей экспедиции. Вот почему, когда Тотлебен подходил к Берлину с юго-востока, принц Вюртембергский спешил на выручку столицы с севера. Каменная ограда защищала город и предместья с юга, земляные укрепления — с севера. Комендант Берлина фон Рохов, узнав о появлении русских казаков под стенами Берлина, готов был к бегству. Но генерал Левальдт, битый русскими при Гросс-Егерсдорфе и живший в Берлине на покое, генерал Зейдлиц, битый русскими под Цорндорфом и Кунерсдорфом и лечившийся тогда в столице, потребовали защиты города. У ворот Берлина выросли баррикады, появились пушки, в стенах были проделаны бойницы.

В 11 час. утра 3 октября Тотлебен предложил коменданту сдать город. Комендант отказался. В 2 часа дня начался обстрел города. Но предатель Тотлебен упорно срывал успех экспедиции. По юго-восточным воротам города он приказал бить из малокалиберных пушек на расстоянии 800 *м*: калёные ядра вызывали ничтожные пожары в городе, но в сущности не давали никакого

результата. Вся бомбардировка носила характер демонстрации. В 12 час. ночи был назначен штурм как юго-восточных, так и южных ворот, к тому времени уже укреплённых гарнизоном. От штурма одних ворот Тотлебен отказался, а другие были захвачены русскими. Но Тотлебен не послал необходимых подкреплений, а потому русские вынуждены были отойти.

Благодаря поведению Тотлебена в город 4 октября проникли прусские части, прибывшие с севера. Тотлебен, ссылаясь на превосходство прусских сил, отступил километров на 10 от Берлина, оставив под городом ничтожные отряды гусар и казаков. Утром 5 октября вновь прибывшие к Берлину части атаковали позиции русских под городом и, естественно, потеснили их к юго-востоку. В отряде Тотлебена росло недовольство командиром, поднимался ропот, потихоньку говорили об измене. Но никто не понимал, в чём дело. Заметая следы своей преступной деятельности, Тотлебен клеветал на Чернышёва, будто бы не давшего подкреплений, клеветал, наконец, на всю русскую армию, говоря, что взять Берлин штурмом было легко, но тогда трудно было бы удержать армию в порядке: слишком соблазнительна была добыча в городе, он бы не смог «вызвать людей обратно из такого большого города».

А тем временем Берлин получал новые подкрепления с юго-запада, так как, отступив от города, Тотлебен очистил подступы к нему.

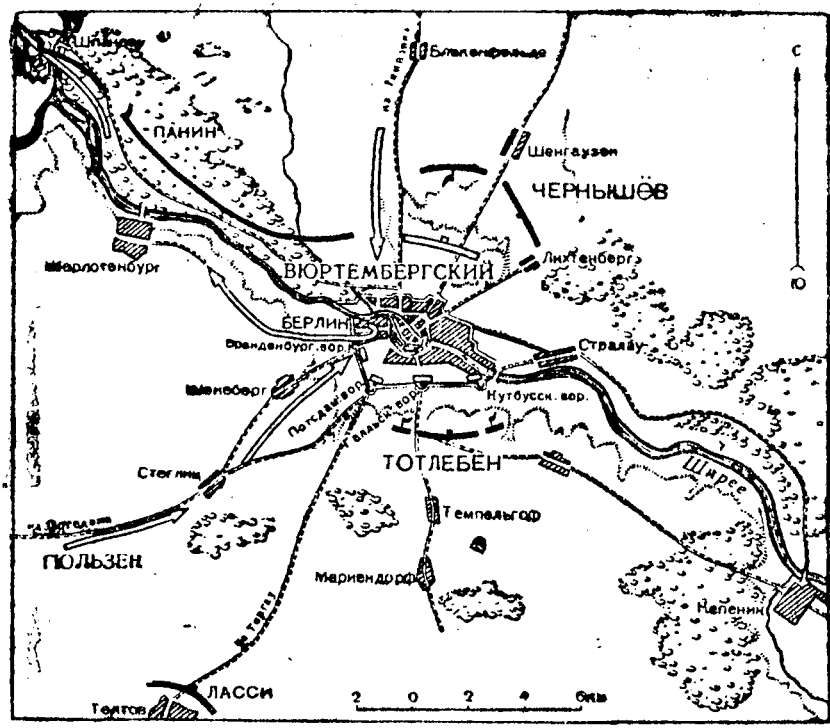
Когда свежие прусские части, прибыв к городу, атаковали конницу Тотлебена, он, бросив конницу вперёд в контратаку, сознательно задержал далеко в тылу своих гренадер. Лишённая поддержки пехоты, конница отступила, и новые прусские части проникли в Берлин.

Таким образом, Тотлебеном было сделано всё для того, чтобы не взять Берлин.

7 октября подошёл авангард дивизии Панина. 9-го утром ожидался подход основных её сил. Ещё до того к Берлину подошёл австрийский корпус Ласси.

Таким образом, вокруг Берлина вырастала целая армия численностью около 37 тысяч человек. Дальнейшая «игра в осаду», какую вёл Тотлебен, была бы невозможной: Берлин был бы взят штурмом в случае нового отказа в сдаче.

И действительно, штурм был решён на военном совете у Чернышёва вечером 8 октября. Штурм был назначен на 7 час. утра 9 октября. Об этом, конечно, сообщили и Тотлебену. Знал об этом и француз Монталамбер, военный атташе, игравший в этом деле подозрительную роль. Так или иначе, но тогда же вечером 8 октября прусский военный совет в Берлине решил немедленно вывести королевские войска из Берлина, а город сдать Тотлебену. Когда русские войска узнали о штурме, в лагере раздалось бурное ликование. Все ожили. Все начали немедля готовиться к штурму: «невозможно довольно описать, с какою нетерпеливостью и жадностью ожидали войска этой атаки: надежда



План взятия Берлина в 1760 г.

у каждого на лице обозначалась». Русские думали, что для Фридриха наступил, наконец, последний час расплаты.

А между тем к предательству Тотлебена присоединилось ещё вредное для дела соперничество австрийцев: австрийский генерал Ласси пытался вырвать Берлин из рук русских. Никому ничего не говоря, он начал переговоры с принцем Вюртембергским о сдаче города. Но принц отступил, и австрийцы остались с пустыми руками. А Тотлебен, тоже ни с кем не совещаясь, в 3 часа ночи ещё раз инсценировал бомбардировку города и во время бомбардировки начал обсуждать с прусскими офицерами «условия» капитуляции города.

В 4 часа ночи условия были подписаны. В 5 час. утра 9 октября несколько эскадронов Тотлебена вошли в город и заняли площадь у королевского замка.

Тем временем разведка Чернышёва сообщила об отступлении пруссаков. Прусский арьергард был захвачен и уничтожен. Когда Чернышёв отправил коменданту города предложение о сдаче, он узнал об «условиях капитуляции», подписанных ещё ночью Тотлебеном.

Измена Тотлебена стала явной. В армии о ней говорили открыто. Лучшие офицеры и Суворов среди них возмущались. Но изменник всё ещё оставался на свободе. А Чернышёв, согласно

условиям капитуляции, так и не вступил в город. Но, несмотря на предательство командира, русская армия оказалась хозяином прусской столицы, и ключи от неё были вручены Чернышёву. Ключи Берлина и теперь хранятся в Казанском соборе в Ленинграде, напоминая о героических подвигах и победах русской армии.

Заняв Берлин, Тотлебен сделал всё для того, чтобы сохранить военные объекты в целости: арсенал, литейный двор, оружейные магазины, пороховые мельницы, провиантские склады, монетный двор и т. д. Когда по настоянию армии Тотлебен организовал взрыв арсенала, то он повёл дело так, что погиб не арсенал, а отряд русских солдат, командированный за порохом. Только по инициативе командиров и солдат отдельные объекты военного значения — литейные и пушечные дворы, оружейные заводы — были уничтожены. Даже населению вражеской столицы Тотлебен оставил бывшее на руках оружие.

Ничтожная контрибуция с города, отказ от изъятия королевских ценностей, королевского архива и продовольствия, отказ от отправки прусских военнопленных в тыл русской армии — все эти мероприятия предателя Тотлебена открывали глаза и слепому на то, что делали враги русской армии и друзья прусского короля в Берлине. Армия негодовала, но что могла она сделать? Русская армия ликвидировала мародёрство австрийцев и поддерживала порядок в городе.

В ночь с 11 на 12 октября русские части начали отход от Берлина к Франкфурту на Одере.

Три дня оставались русские в Берлине. Несмотря на предательство командира, они ещё раз показали всему миру силу и мощь русского солдата. Авторитету Фридриха II они нанесли страшный, незабываемый удар.

А Фридрих тем временем оставался в Саксонии, где и расположился на зимние квартиры. Пруссия, истощённая, разорённая, отказывалась от борьбы. Но предательская политика Тотлебена затрудняла начавшиеся после отступления от Берлина операции русских в Померании. Только летом 1761 г. изменник был арестован. Мастерски развернулись тогда операции русских партизанских отрядов против Фридриха II и его кавалерии. Молодой Суворов «себя перед прочими гораздо отличил», «особливую приобрёл любовь и похвалу». С драгунами Тверского драгунского полка Суворов бил первоклассную конницу принца Вюртембергского. Выросшая во время войны лёгкая конница умело и метко била врага повсюду. Прусская Померания была быстро занята русскими.

Положение Фридриха II стало безвыходным. Пруссия была на краю гибели. Только случай спас короля. 5 января 1762 г. умерла императрица Елизавета. На престол вступил её племянник, полупруссак, полурусский, голштинский принц Пётр III. Уже 16 марта Россия и Пруссия подписали перемирие, 5 мая был подписан мирный договор, а вскоре и договор о союзе. Новое «чудо Бранденбургского дома» действительно спасло короля.

агрессора. Россия не только выходила из Семилетней войны, но и становилась союзницей Пруссии. Здоровое патриотическое чувство армии и народа питало ненависть к голштинцам, и голштинский принц был убит. Новая императрица Екатерина II вынуждена была отказаться от союза с Пруссией, но она же отказалась и от войны против Пруссии и возвратила ей все завоёванные в Прибалтике земли.

Итоги войны.

Из Семилетней войны Пруссия выходила политически значительно ослабленной, Россия значительно окрепшей. Русский солдат развеял миф о непобедимости Фридриха II Великого, военная организация которого была «наилучшей для своего времени» (Энгельс, Соч. Маркса и Энгельса, т. XI, ч. 2, стр. 398).

В Семилетней войне русский народ показал миру свои великолепные боевые качества и питавшее их крепкое, здоровое чувство любви к родной стране, её чести, её заслуженной и справедливой славе.

Русские солдаты в боях под Гросс-Егерсдорфом, Цорндорфом, Кунерсдорфом, в боях под Берлином и самым фактом своего появления в Берлине ещё раз показали миру, что армия агрессора не может быть непобедимой. Миф о непобедимости первоклассной образцовой прусской армии Фридриха II ещё раз был развеян по ветру.

В боевых столкновениях Семилетней войны начала складываться суворовская «наука побеждать». Суворов был наблюдателем такой крупной битвы, как Кунерсдорфская, он был участником ряда дальнейших столкновений. Он убедился на опыте, что прусскую армию можно бить и что русским заимствовать от пруссаков нечего. Такое отношение к прусским военным порядкам позже привело Суворова к столкновению с Павлом I, поклонником Фридриха II и Пруссии. «Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять?» — говорил Суворов по поводу введения Павлом прусских военных порядков в русской армии.

Прусская армия специалистов-наёмников неоднократно была бита русскими мужиками, как неоднократно бывали биты немецкие войска первой Германской империи — «Священной Римской империи германской нации» — ещё 1000 лет назад на Эльбе и на Одере нашими братьями, западными славянами; как 700 лет назад (1242) ливонские псы-рыцари были биты русскими ополченцами под начальством Александра Невского; как 530 лет назад (1410) они же были биты при Грюнвальде русскими бойцами из Смоленска, а 475 лет назад — поляками (1466). 380 лет назад неоднократно битый Иваном IV Ливонский орден погиб в борьбе с Россией. 180 лет назад неоднократно битые русскими пруссаки сдали Берлин. Берлин был взят русскими войсками. Ключи от Берлина оказались в наших руках (1760).

Вскоре после выхода из войны России Швеция заключила мир с Пруссией. Обе страны взаимно признавали довоенные гра-

ницы. Пошли на перемирие Австрия и Франция. Несколько позже открылись переговоры и по колониальным вопросам между Англией, с одной стороны, Францией и Испанией — с другой. Мирный договор (10 февраля 1763 г.) признал за Англией все её завоевания — Канаду, часть Луизианы, Флориду, большую часть Индии, Мартинику и др.

В Европе границы государств остались прежние, но сила и значение их не остались без перемен.

В итоге Семилетней войны Россия окрепла, а Пруссия едва не погибла. После Семилетней войны «лицом к лицу с... распадающимися пограничными странами, с... великими державами, разделёнными традицией, экономическими условиями их жизни, политическими или династическими интересами или завоевательными вожделениями, запутавшимися в бесконечных распрях, постоянно старающимися перехитрить друг друга, — лицом к лицу с ними стояла единая, однородная, молодая, быстро растущая Россия, почти неуязвимая и совершенно недоступная завоеванию» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 12—13).

В начале XIX в. сама Пруссия стала жертвой наполеоновской агрессии. Наполеон, пытаясь поставить на колени прусский народ, разбил королевскую армию за 5 месяцев (август — декабрь 1805 г.) и почти уничтожил её 9—14 октября 1806 г. в боях под Иеной и Ауерштедтом.

Грабительский Тильзитский мир 1807 г. лишил Пруссию половины её территории. «Наполеону достаточно было свистнуть, и Пруссия больше не существовала!» (Гейне). Но и наполеоновская армия, собранная из «двунадесяти языков», дохатилась до Москвы только для того, чтобы в Москве и под Москвой испытать поражение. 22 июня 1812 г. «непобедимая», прекрасно вооружённая и снаряжённая наполеоновская армия перешла русскую границу. Через 6 месяцев, в декабре того же года, разутая, раздетая, голодная, вшивая она бежала обратно как могла под ударами русской армии и русских партизан.

Нет сомнения, что та же судьба постигнет и современных фашистских захватчиков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава I. Прусская агрессия и подготовка Семилетней войны 5

Глава II. Цели и задачи России в Семилетней войне и начало кампании 1757 г. 22

Глава III. Русская армия в боях 1757—1759 гг. 25

Бой под Гросс-Егерсдорфом (1757) . . . . . —

Бой под Цорндорфом (1758) 30

Бой под Кунерсдорфом (1759) 39

Глава IV. Русские в Берлине (1760) 49

Итоги войны 54

Редактор *С. А. Никитин.*

Подписано к печати 4/IX 1943 г. Л28808. Тираж 10 тыс. экз. Печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,93. В 1 п. л. 50 тыс. тип. знаков. Цена 70 коп.

Напечатано с матриц в тип. им. Мяги Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». г. Куйбышев, Венцека, 60. Заказ 1596.

Цена 70 коп.